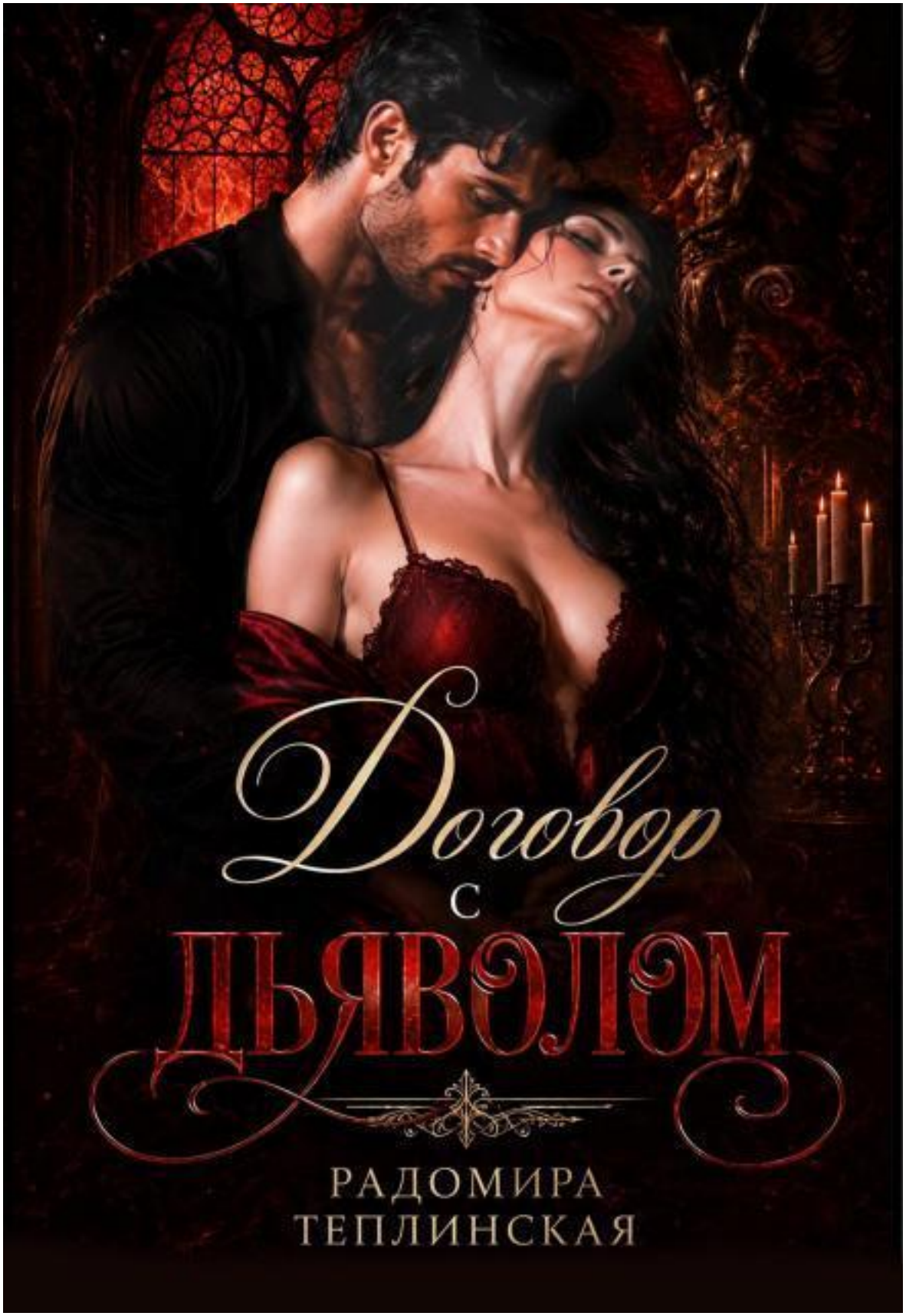

Договор
с
ДЬЯВОЛОМ
РАДОМИРА
ТЕПЛИНСКАЯ

Рада Теплинская

Договор с дьяволом

«Литнет»
2026

Теплинская Р.

Договор с дьяволом / Р. Теплинская — «Литнет», 2026

Я превратился в своего отца.Это не было внезапным откровением или осознанием в один конкретный момент; это было медленное, неотвратимое погружение, подобное воде, которая постепенно поднимается до подбородка, пока ты еще можешь дышать, но уже чувствуешь, как легкие сжимаются от привычки. Для нас с братом он оставался идеальным отцом — строгим, но справедливым, поддерживающим и надежным. Мы помним его руки, которые учили нас держать оружие, и его голос, который шептал мудрость в темноте. Но реальность нашего существования не терпит иллюзий. Невозможно вести бизнес, подобный нашему, являясь кем-то другим, кем-то мягким или сомневающимся. Наш мир не прощает слабости. Наш бизнес безжалостен. В нем нет места для сантиментов, компромиссов или дружеских рукопожатий. Здесь всегда нужно быть готовым убить или быть убитым — это не метафора, а суровая, холодная математика выживания, где каждый шаг может стать последним.С того места в беседке, где я сидел, обхватив коленями руки и глядя на темнеющий сад, можно было отчетливо услышать звуки вечеринки, доносившиеся из большого дома. Громкая музыка, звон бокалов, хохот, переходящий в крик — симфония пустоты. Скучное сборище подонков и их баб. Люди, которые приходили сюда не ради общения, а ради статуса, ради возможности показать себя, чтобы их видели те, кто важен. Я даже не знал, зачем пришел сюда. Может, из чувства долга, может, из старой привычки, но такое давным-давно перестало меня интересовать. Эти лица, эти разговоры о деньгах и власти, которые на самом деле ничего не значат, вызывали во мне лишь глухое раздражение и усталость.

© Теплинская Р., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1. Константин 6
2. Ярослава 10
3. Ярослава 12
4. Ярослава 14
5. Ярослава 16
6. Константин 18
7. Константин 21
8. Ярослава 23
9. Ярослава 26
10. Ярослава 30
11. Ярослава 31
12. Ярослава 33
13. Ярослава 35
14. Ярослава 38
15. Ярослава 41
16. Константин 43
17. Константин 46
18. Ярослава 48
19. Константин 51
20. Ярослава 56
21. Ярослава 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

1. Константин

Ночь выдалась на редкость прекрасной: морозный воздух был кристально чистым, а звезды горели на черном бархате неба с пугающей яркостью, словно тысячи ледяных глаз, наблюдающих за происходящим внизу. Но я почти не замечал этой красоты. Моя душа была занята чем-то гораздо более мрачным и тяжелым, чем созерцание зимней природы. У меня больше не было времени на подобные вещи, на медитативное наслаждение моментом или эстетическое восприятие мира. Время стало для меня врагом, которого нужно было постоянно обманывать, игнорировать или убивать.

В последнее время я полностью потерял интерес даже к женщинам. Да, я продолжал спать с ними, но делал это с механической холодностью, как можно более анонимно и безэмоционально. Для меня они перестали быть людьми; они стали лишь телами в дорогих гостиничных номерах, которых я трахал и тут же забывал после того, как удовлетворял свои базовые физиологические потребности. Это был акт, лишенный всякой интимности, лишь способ сбросить напряжение. Каждую новую партнершу я выбирал исключительно за внешнюю красоту, за идеальную геометрию лица и фигуры, но не более того. Иногда, когда они начинали говорить, пытаясь завязать разговор или установить эмоциональную связь, мне приходилось с невероятным усилием сдерживать желание грубо сказать им, чтобы они заткнулись нахрен. Их голоса раздражали меня, нарушая мою внутреннюю тишину, которую я так бережно оберегал.

Иногда, глядя в зеркало в ванной комнате своего уединенного убежища, я не мог узнать холодного, бессердечного монстра, чье отражение смотрело на меня из глубины стекла. Его глаза были пустыми, словно морг, заполненный замороженными телами всех тех, кого он казнил или кого пришлось уничтожить ради дела. В этих глазах не было ни жалости, ни раскаяния, ни даже злости — только ледяная пустота, отражающая мою внутреннюю смерть.

Я превратился в своего отца. До этого момента я ненавидел его за то, каким человеком он стал, но теперь я понял, что стал им самим.

Для нас с братом он был отличным отцом. Он научил нас дисциплине, стратегии и тому, как сохранять лицо перед лицом опасности. Но невозможно вести бизнес, подобный нашему, являясь кем-то другим. Наш бизнес безжалостен, как скальпель хирурга. Он требует абсолютной точности и отсутствия лишних эмоций. Всегда нужно быть готовым убить или быть убитым; любая слабость, любое колебание могут стоить жизни не только тебе, но и всей империи, которую мы строили годами.

С того места в беседке, где я сидел, окутанный дымом сигареты, можно было отчетливо услышать звуки вечеринки, доносившиеся из большого дома. Скучное сборище подонков, их жадных жен и поверхностных любовниц. Я даже не знал, зачем пришел сюда. Такое давным-давно перестало меня интересовать. Мне нужно было лишь соблюсти приличия, появиться на несколько минут, чтобы показать свое присутствие, а затем исчезнуть. Выкурив сигарету до фильтра, я планировал убраться через садовую калитку, которую приметил по дороге сюда, чтобы не проходить через толпу.

Я затушил сигарету каблуком о влажную землю и, подняв голову, увидел женщину в белом коротком платье, направляющуюся к беседке. Ночь стояла прохладная, ветер трепал ее волосы, а на ней не было пальто. Что-то в том, как она двигалась — в легкости, в уверенности, в какой-то внутренней тоске, просвечивающей сквозь движения, — заставило меня присмотреться к ней внимательнее. Даже в почти полной темноте я мог сказать, что она выглядела очень молодо. Лет двадцать с небольшим, наверное. Светлые волосы, падающие волнами на плечи, и невероятные ноги. Длинные, стройные, идеально пропорциональные. Когда она открыла дверь летнего домика, я мельком увидел ее губы. Они были полными, слегка приоткрытыми, и казались самыми сексуальными, что я когда-либо видел в своей жизни.

Мой член дернулся. Он хотел оказаться в этом ротике, хотел почувствовать тепло, которое сейчас казалось мне единственной реальной вещью в этом холодном мире.

Девушка закрыла дверь за собой, но не вошла внутрь. Она прислонилась спиной к деревянной раме, словно искала поддержки. Затем она быстро вытащила телефон из сумочки, экран которого ярко освещил ее лицо.

— Марина, — настойчиво, с тревогой в голосе сказала она. — С папой все в порядке?

Она выслушала ответ по другую линии, и я увидел, как ее плечи опустились, а дыхание вырвалось в виде легкого облачка пара. Она чуть не осела от облегчения, но в глазах все еще плескалась тень страха, который она пыталась скрыть.

— Слава Богу. Значит, это была просто ложная тревога.

Голос её прозвучал тихо, с той особенной, дрожащей интонацией, которая возникает только после длительного напряжения, когда мышцы лица наконец расслабляются, но внутри ещё не утихает эхо паники. В воздухе повисло тяжелое, вязкое облегчение, смешанное с остаточным страхом, который отказывается уходить сразу.

Свет от экрана её телефона, холодный и бледный, словно лунный луч, пробивающийся сквозь густую тьму, выхватывал из мрака лишь бледный силуэт её лица. Этот искусственный свет был слишком резким, он подчеркивал каждую морщинку на лбу, каждое нервное подергивание уголка губ, создавая контраст между внешней спокойной оболочкой и внутренней бурей. В этом мерцающем, неестественном освещении я отчетливо видел, как она медленно кивает головой, механически соглашаясь с тем, что ей шепчут в трубку. Её движения были лишены какой-либо естественности, отточенными до автоматизма, словно она играла роль человека, который изо всех сил пытается казаться нормальным и спокойным, даже если внутри всё сжимается в ледяной комок от невидимого, но всепроникающего страха. Она держала телефон так, будто он был единственной опорой в мире, который вдруг стал шатким и ненадежным.

Пока она слушала, вокруг воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом листьев на ветке, покачивающейся под порывами ночного ветра. Этот звук казался громким, навязчивым, подчеркивающим одиночество момента и тяжесть того, что происходило за пределами этого разговора. Потом она произнесла слова, которые, казалось, давались ей с огромным трудом, словно каждый слог требовал преодоления внутренней преграды, словно язык стал тяжелым и непослушным от напряжения:

— Я? Я в порядке. Конечно, я в порядке. Будет нормально, если я зайду к нему завтра?

Её голос звучал неуверенно, с паузами, в которых скрывалась просьба о подтверждении, о том, что мир всё ещё держится на своих местах. Она искала подтверждения своей нормальности, своей способности функционировать в рамках привычной реальности.

— Да, в шесть — нормально. Пожалуйста, передай ему, что я его очень люблю.

Последние слова прозвучали как заклинание, как попытка закрепить любовь и заботу в пространстве между ними, несмотря на расстояние и время. В них чувствовалась такая искренняя, пронзительная нежность, что мне стало не по себе от собственной наблюдательности. Разговор закончился, и тишина вернулась, но теперь она была другой — более глубокой, более личной, оставляя после себя лишь эхо услышанного и чувство тревожного ожидания того, что наступит завтра.

Она закончила разговор внезапно, резко щелкнув экраном телефона. В этот самый момент из неё вырвался тихий, сдавленный всхлип, такой тихий, что его можно было услышать только в этой абсолютной тишине. Она тут же прижала ладонь ко рту, словно пыталась физически остановить еще больший поток слез, который мог хлынуть вслед за этим первым признаком слабости. С огромным, почти научным интересом я наблюдал, как она делает глубокие, судорожные вдохи, пытаясь загнать обратно в горло панику и заставить себя успокоиться.

— Все будет хорошо, — прошептала она себе, и эти слова звучали не как утешение, а как заклинание, в которое она сама уже не верила. — Все будет просто отлично.

Издалека, сквозь густой, вязкий гул вечеринки, где смешивались звон бокалов, взрывы смеха и басовая линия музыки, донесся мужской голос. Он пробивался сквозь шум, как скальпель сквозь ткань: громким, абсолютно уверенным и требовательным. В нем не было ни доли колебаний, ни намёка на просьбу — только твердая инструкция, которую принято выполнять немедленно.

Она замерла. Весь её мир сузился до этой точки, и она превратилась в статую, словно камень, брошенный в спокойную воду, где круги расходятся только вокруг неё самой. Казалось, что время для неё остановилось, а тело парализовало мгновенно, отрезав связь с реальностью. Мужской голос раздался ближе, становясь всё более отчетливым, проникая в сознание с пугающей ясностью. Со своего места у окна, спрятанной в густой тени, я мог наблюдать, как к нам приближается мужчина. Было слишком темно, чтобы разглядеть черты его лица или детали одежды, но мне показалось, что я узнал этот голос. Он звучал знакомо, вызывая в памяти смутные, но неприятные ассоциации, хотя я изо всех сил старался не придавать этому значения, пытаясь отстраниться и остаться лишь наблюдателем.

— Яра, — позвал он. Тон был повелительным, без тени сомнения, что она немедленно откликнется, как хорошо обученная собака на свисток.

Девушка, не раздумывая ни секунды, открыла дверь и вышла на веранду. Холодный ночной воздух ударил ей в лицо, но она, казалось, не почувствовала его.

— Я здесь, — ответила она тихо, её голос потерялся в пространстве между домом и верандой.

— Что ты там делаешь? — спросил он, и в его тоне сквозило легкое, едва уловимое раздражение, будто её отсутствие было личным оскорблением или нарушением расписания.

— Ничего. Просто хотела отдохнуть от шума, — пробормотала она, оправдываясь так, словно совершила преступление.

— Возвращайся на вечеринку, детка. Мне без тебя скучно.

Она не ответила. Ни слова. Просто стояла там, склонив голову, позволяя ему говорить, занимаясь тем, что умеет лучше всего — слушаться.

Вместе пара направилась к дому. Он обнимал ее за талию, притягивая к себе с властностью, которая не оставляла места для выбора или даже для компромисса. Ее руки безвольными плетями висели по бокам, не отвечая на его прикосновение, не поддерживая его жесткости, не пытаясь хотя бы слегка коснуться его в ответ. Это было не объятие, а захват. Я увидел, как мужчина опустил руку ниже, на ее задницу, погладил ее, а затем грубо, жадно сжал. Давление было сильным, почти болезненным. Это было не лаской, не проявлением страсти, а демонстрацией права собственности, напоминанием о том, кто здесь главный. Она ничего не сделала. Не отстранилась, не напряглась, не проявила ни малейшего сопротивления. Она просто позволила это сделать, растворившись в его воле, став частью его действия, лишенная собственной воли и границ.

Внутри меня что-то ожило. Это не было внезапным всплеском эмоций или импульсивной вспышкой гнева; это было глубокое, первобытное пробуждение, похожее на то, как древний дракон, дремавший много-много лет в кромешной тьме глубины моей души, вдруг раскрывает свои глаза, полные янтарного, холодного огня. Он был спрятан под толстыми, непроницаемыми слоями рациональности, социальных приличий и навязанных норм поведения, которые я так тщательно выстраивал годами, чтобы казаться «нормальным», безопасным и предсказуемым. Но теперь эти слои треснули, словно тонкий лед на поверхности озера, и я почувствовал, как его чешуйчатое, покрытое вековой пылью тело начинает двигаться, растягиваясь в пространстве моего сознания.

Он почуял поблизости добычу. Не просто человека, а существо теплое, дышащее, уязвимое — ту самую жертву, которая стала символом всей этой ложной справедливости мира. Дракон помнил вкус крови, помнил тяжесть победы и тот первобытный восторг от власти. Он вспомнил, что уже давно ничего не ел, что его внутренняя пустота нарастала с каждым днем, когда я молчал, когда я терпел, когда я позволял другим топтать мои границы. И теперь он был голоден. Очень, очень голоден. Этот голод жег изнутри, сжигая остатки сомнений и превращая их в чистую, концентрированную волю.

Этот голод был не физическим, он не требовал еды или воды. Он был голодом справедливости, мести и неотвратимости — той самой космической расплаты, которая должна наступить, когда нарушается равновесие. Я чувствовал, как по позвоночнику пробегает ледяной сквозняк, заставляющий кожу бежать гусиной кожей, а зрачки расширяются, поглощая окружающий свет, превращая мир в резкое, контрастное изображение, где каждая деталь становится отчетливой и пугающе ясной. Мир сузился до точки, где встретились мои взгляды и его взгляд.

Я поднялся с ротангового кресла, чувствуя, как древесина жалобно скрипит под моим весом, издавая звук, который казался мне похожим на хруст костей. Неторопливо, сохраняя внешнее достоинство и невозмутимость, я направился обратно на вечеринку. Мои шаги были уверенными, размеренными, каждый шаг отмерял расстояние до момента истины. Я не спешил, потому что торопиться не нужно, когда ты знаешь, что исход предрешен. Тишина вокруг меня казалась густой, почти осязаемой, и люди инстинктивно расступались передо мной, чувствуя незримую угрозу, исходящую от меня, подобно тому, как животные чувствуют приближение грозы.

Я точно знал, кто этот мужчина. Я видел, как он держится: расслабленно, снисходительно, с той самой самодовольной усмешкой человека, который привык получать желаемое силой или хитростью. Я точно знал, как обращаться с такими, как он. Для него это был всего лишь еще один вечер, еще одна возможность проявить силу над тем, кто слабее, еще одна глава в его бесконечной истории унижения других ради собственного эго. Он думал, что его маскировка идеальна, что его статус защищает его, что никто не посмеет поднять на него руку.

Но для меня это был шанс. Не просто месть, а шанс вернуть баланс в искаженную чашу весов. Шанс показать ему, что за каждое злое слово, за каждую грубую руку, за каждую несправедливость существует цена, и что эта цена должна быть уплачена. Не завтра, не через год, а здесь и сейчас. Я чувствовал, как внутри меня разгорается тот самый древний огонь, и я знал: когда я дойду до него, мир изменится. И я буду тем, кто зажжет этот огонь.

2. Ярослава

Я отчетливо почувствовала, как его ледяная, липкая рука вцепилась в мою ягодицу, сжимая и разминая плоть с отвратительной, механической настойчивостью, словно он месил холодное тесто для хлеба. Каждое его прикосновение казалось грязным, тяжелым и неуместным, оставляя на коже ощущение липкой пленки, которую невозможно смыть одним лишь движением. В этот момент внутри меня все сжалось в комок ненависти, такой густой и едкой, что мне едва хватало воздуха. Боже, как же сильно я его ненавидела — эту смесь жалкой похоти, самодовольства и полной потери человеческой чести.

Впереди меня маячила долгая, мучительная ночь, полная унижений и страха. Судя по расширенным зрачкам, блеску в глазах и неестественной, дерганой активности его верхней губы, он явно не просто выпил, а активно «пообщался» с кокаином в ближайшем общественном туалете. Я хорошо знала его повадки: всякий раз, когда он позволял себе такую роскошь, его разум отключался, уступая место примитивному, животному импульсу веселиться до рассвета, игнорируя любые границы и последствия.

По моему телу пронзила судорожная дрожь, когда я представила, как его потное, тяжелое тело будет нависать надо мной, как смрад пота и химического запаха смешаются в душном помещении. В отчаянной попытке вырваться из этой ловушки, мой разум лихорадочно метался в поисках любого, даже самого безумного плана. На долю секунды мне даже пришла в голову пугающе реалистичная мысль: а что, если просто споткнуться и сломать лодыжку на этих проклятых ступеньках, ведущих к входной двери? Острая боль могла бы стать легальным предлогом, чтобы остановить его, вызвать полицию или хотя бы просто выиграть время. Да, боль стоила бы того. Но, зная его до глубины души, я понимала, что он не проявил бы ни капли сострадания. Вместо этого он, скорее всего, лишь усмехнулся бы своей мерзкой, насмешливой ухмылкой и тихо, но отчетливо произнес бы: «Но твоя киска-то не сломана, не так ли, детка?». Эта фраза, полная цинизма и презрения, стала бы для меня худшим из возможных вариантов.

— Пойдем, — настаивал он, грубо толкая меня вперед, заставляя подняться по ступенькам. Его голос был хриплым, пропитанным наркотиками и властью. — Я хочу, чтобы ты отсосала мне в туалете. Прямо сейчас.

Я заставила себя не отшатнуться от него с видимым отвращением, которое могло спровоцировать его агрессию. Я подавила слепую, ослепляющую ярость, бушующую внутри, которая кричала о том, чтобы ударить его, убежать, разрушить всё вокруг. Вместо этого я собрала все остатки своего самообладания и ответила ему максимально спокойно, с искусственной, холодной ровностью в голосе, скрывая за ней бездну внутреннего холода и решимости пережить этот кошмар.

— Может, лучше дождемся возвращения к тебе домой, Влад? — мой голос прозвучал глухо и неуверенно, отдавая легкой хрипотцой. — У меня невыносимо раскалывается голова, словно внутри кто-то бьет молотком по вискам. Сейчас мне срочно нужно принять пару таблеток, чтобы хоть немного облегчить это мучительное состояние, но через час, я уверена, я полностью приду в норму и смогу вернуться к обычному ритму жизни.

Он резко остановился, замерев на месте, словно вкопанный. Тени легли на его лицо, скрывая привычное выражение, и он бросил на меня такой взгляд, что мне стало не по себе. В его глазах читалась не забота, а холодная, расчетливая хитрость, словно он только и ждал этого момента, чтобы зацепить меня за живое, найти слабое звено в моей цепи оправданий.

— Похоже, в последние дни у тебя часто болит голова. Это уже становится закономерностью, не находишь? — произнес он медленно, растягивая каждое слово, словно наслаждаясь моей растерянностью.

Я инстинктивно отступила от него на шаг назад, нарушая навязанную им близость, и его рука, которая прежде давила на мое плечо с удушающим весом, тяжело и безвольно упала с моего тела. Воздух между нами стал тяжелым и напряженным, наполненным незримой угрозой, от которой трудно было дышать.

— Наверное, это просто стресс. Я слишком сильно беспокоюсь о своем отце. Его состояние нестабильно, скачки давления участились, и, возможно, ему потребуется еще раз сдать анализы, чтобы врачи могли скорректировать лечение. Я просто пытаюсь сохранить всё под контролем, Влад. Всё под контролем.

Его глаза внезапно сузились, превратившись в узкие щели, полные подозрения и холодной ярости. Он медленно, почти хищно, обвел меня взглядом сверху вниз, оценивая мою уязвимость.

— Ты просишь больше денег? — его голос прозвучал низко и угрожающе, обещая неприятности, которые я даже не хотела представлять. В тоне слышалось жесткое обвинение, будто я уже призналась в преступлении, которого еще не совершила.

Я покачала головой, чувствуя, как внутри сжимается комок тревоги, но стараясь сохранить внешнее спокойствие. Мои пальцы судорожно сжали край пальто, но я заставила руки не дрожать.

— Нет, я лишь пытаюсь донести до тебя суть своего беспокойства, объяснить мотивы, которые заставляют меня терять покой.

— Понятно. И знаешь почему? Потому что я больше не намерена давать тебе ничего лишнего, особенно после того, как ты так бесцеремонно обошлась с нашим предыдущим договором. Ты даже не удосужилась отблагодарить меня за прошлый раз, и это ставит точку в моем терпении.

При этих словах моя плотина ярости, которую я так долго и усердно возводила, внезапно рухнула. Гнев хлынул потоком, смывая остатки самообладания.

— На самом деле, я уже отдала то, что должна. Мы же заключили соглашение ровно на один месяц, а ты без всяких на то оснований растянул этот срок уже более чем на два. Когда же, Влад, ты планируешь соблюдать условия? Когда контракт действительно истечет?

— Я никогда не говорил, что наше соглашение ограничено одним месяцем. Я лишь упомянул, что обычно мне требуется около месяца, чтобы женщина мне надоела. Именно ты сделала предположение, что мне понадобится ровно столько времени, чтобы устать от тебя. Но посмотри вокруг: ты мне еще не надоела. Напротив, твое присутствие все еще занимает место в моем поле зрения.

Я с трудом сглотнула ком горечи, который подступил к самому горлу, чувствуя, как кислый привкус обиды и бессилия разъедает изнутри.

3. Ярослава

Он виртуозно, с пугающей точностью и циничным расчетом, использовал мое безграничное отчаяние и душевную уязвимость как оружие, превратив меня в его послушную сексуальную рабыню на неопределенный срок. В глубине своей разбитой души я прекрасно понимала, что вся тяжесть ответственности за этот роковой, необратимый выбор лежит исключительно на мне — я сама позволила себе сломаться, сама открыла дверь в эту темницу. Мне следовало проявить максимальную бдительность, проявить силу воли и настоять на составлении детального, юридически безупречного письменного контракта, где каждое условие, каждая личная граница и каждое обязательство были бы четко, дословно зафиксированы на бумаге. Это было необходимо, чтобы исключить любые двусмысленности, серые зоны и потенциальные манипуляции со стороны партнера. Но я была настолько раздавлена обстоятельствами, что мои колени предательски дрожали от смешанного страха и физической слабости, стоило мне только подумать о тех 120 000 долларов, которые требовались для срочного, дорогостоящего и жизненно важного лечения моего отца. Его жизнь висела на тонкой нити, и каждая минута промедления казалась мне тяжким, непростительным преступлением против собственного сердца, предательством святого сыновнего долга перед человеком, подарившим мне жизнь.

Когда владелец итальянского ресторана, где я трудилась по найму, честно и с явным раскаянием в глазах признался, что у его личных средств нет такой суммы, чтобы одолжить мне эти деньги, я, охваченная паникой и отчаянием, умоляла его помочь найти ростовщика. Он со вздохом, полным предостережения, уверял, что обращение к частным кредиторам — это чистое безумие, самоубийственный шаг, так как проценты там грабительские, а условия невыполнимые. Я никогда не смогу вернуть долг вовремя, навсегда попав в непроглядную долговую яму, из которой нет выхода, где тело и душа будут заложниками бесконечных процентов. В качестве единственной альтернативы он предложил обратиться к своему другу, Владиславу Устинову, который иногда выдавал ссуды частным лицам и, по его словам, относился к срокам погашения гораздо более снисходительно и лояльно, чем типичные представители этого бизнеса, обещая гибкость, которая могла бы дать мне передышку.

Владислав, как выяснилось впоследствии, имел в виду совершенно иной, пугающий и аморальный способ оплаты моего труда. Речь шла не о денежном вознаграждении или материальных благах, а о том, чтобы я стала его личной любовницей ровно на один месяц. Это было не просто предложение, а жесткое условие, от которого я не могла отказаться. На самом деле, он открыто и цинично полагал, что, скорее всего, будет пользоваться мной еще меньше времени, так как одна и та же женщина ему быстро приедалась, вызывая у него скуку и пресыщение. Он любил менять партнерш чаще, чем рубашки, получая садистское удовольствие не от самого процесса близости, а от самого процесса завоевания, доминирования и последующего холодного отказа. Для него это была игра, где я была лишь фигурой на доске, чье значение заключалось лишь в том, чтобы удовлетворить его сиюминутные капризы.

Я даже не раздумывала ни секунды. Согласилась сразу, без колебаний, словно машина. Жизнь моего отца была важнее любого морального дискомфорта, внутреннего отвращения или страха перед неизвестностью, которая меня ждала. Я готова была пожертвовать своим телом и честью, лишь бы спасти близкого человека. И поскольку мой босс заверял меня с уверенностью в голосе, что Влад — его близкий друг, человек надежный, с которым можно иметь дело, мне и в голову не приходило, что он может меня обмануть или использовать в грязных, нечестных целях. Слепое доверие к знакомым лицам, к людям, которых я считала частью своего профессионального круга, слепило мне глаза, заставив игнорировать внутренние сигналы тревоги и инстинкты самосохранения.

Первый месяц я вынесла с невероятным трудом, еле-еле, каждый день считая дни и часы до конца этого кошмара, мечтая вернуться к нормальной, чистой жизни. Но теперь, когда конца уже не было видно, когда сроки постоянно сдвигались, а новые обязательства накладывались на старые, я чувствовала физическую боль, нарастающее отвращение и леденящий ужас от одной только мысли, что снова лягу с ним в постель. Особенно в последнее время, когда я начала замечать, что его сексуальные потребности медленно, но неуклонно принимали неприятный, пугающий и дегуманизирующий оборот. Он становился все более агрессивным, требовательным и изобретательным в своих извращениях, стирая границы между страстью и насилием.

На днях он шокировал меня, рассказав о своих новых фантазиях, которые звучали как прямой вызов моему человеческому достоинству. Он хотел заклеймить мою кожу горячим утюгом, оставляя вечные, нестираемые шрамы, или вытатуировать свое имя прямо на обеих моих грудях, превратив мое тело в свою личную собственность, в знак вечной принадлежности. Эти слова звучали для меня как приговор, вынесенный без суда и следствия, стирая последние остатки моей свободы, воли и права быть свободным человеком. В этот момент я поняла, что попала в ловушку, из которой, возможно, нет выхода, и что цена моего спасения становится все более невыносимой.

От пронизывающего, ледяного ночного воздуха, пронизывающего каждую жилку и заставляющего зябнуть до костей, по рукам пробежали холодные мурашки, заставляя кожу покрыться легким, едва заметным гусиным блеском. Я инстинктивно обхватила себя руками за талию, пытаясь сохранить остатки тепла и, что еще важнее, остатки собственного достоинства, и с усилием заставила голос звучать ровно, не выдавая ни капли волнения, несмотря на то, что сердце колотилось где-то в горле, готовое вот-вот вырваться наружу от бешеного ритма.

— Когда ты думаешь, я тебе наскучу, Влад? — мой вопрос повис в холодном, влажном воздухе, звучал ровно и спокойно, но с той тонкой, почти неуловимой ноткой вызова, которую он так любил и которую наверняка считал своим личным трофеем.

Он снова изобразил свою фирменную, коварную улыбку, в уголках глаз заблестели хищные искорки, предвещающие неизбежную ловушку. Его рука медленно, с нарочитой, издевательской медлительностью скользнула вниз по моему телу, оставляя за собой едва ощутимый след прикосновения, который казался обжигающим в этой прохладной ночи, контрастируя с ледяным ветром, ударяющим в лицо.

— Не знаю, — протянул он, делая искусственную паузу, чтобы насладиться моей реакцией, наблюдая, как дрожат мои ресницы. — Я имею в виду, какому мужчине вообще может наскучить вся эта красота? Ты же понимаешь, какая ты потрясающая, горячая красотка, малышка Яра. Твои изгибы, твой взгляд… это не то, от чего устают. Это то, ради чего стоит жить.

Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони, скрывая дрожь, которая, казалось, шла изнутри, из самого сердца. Внутри закипело смешанное чувство: раздражения от его высокомерия, досады от того, что его слова все еще находят отклик в теле, и странного, опасного предвкушения, от которого перехватывало дыхание, заставляя забыть о холоде и сосредоточиться только на его присутствии.

4. Ярослава

— Ты обязан назвать точную дату, Влад. Не размытые обещания и не пустые угрозы, а конкретные цифры. Я не могу бесконечно тянуть этот узел, закручивая его всё туже и туже в том же изматывающем духе. Моя терпимость — не безгранична, и ты сама прекрасно осведомлена о том, где проходит черта, за которой следует взрыв. Я предупреждал тебя: когда предел будет достигнут, последствия будут необратимыми.

Он медленно усмехнулся, и эта улыбка была ледяной, отточенной, почти насмешливой. В её глубине читалось холодное наслаждение наблюдателем: он смотрел на мою панику как на захватывающую театральную постановку, где я — лишь марионетка, разыгрывающая свою роль перед единым зрителем. Ему нравилось видеть, как я ломаюсь, как мои руки дрожат, как голос срывается на крик, который он тут же гасит своим спокойствием.

— Знаешь, что с тобой не так? — произнес он тихо, наклоняясь чуть ближе, чтобы его слова звучали интимнее и опаснее. — Ты слишком напряжена. Твои плечи вечно поджаты, словно ты ждешь удара, а в глазах читается тревога, которой там быть не должно. Тебе нужно выпить. Один бокал хорошего вина, выдержанного в дубовых бочках, может быть, два, чтобы расслабить эти спазмированные нервы и перестать видеть угрозу там, где её нет. Ты сама создаешь эту атмосферу напряжения, а потом жалуешься на неё.

— Пожалуйста, Влад, — умоляла я, чувствуя, как голос начинает предательски дрожать, выдавая мою слабость. Мои пальцы судорожно сжимали край массивного стола, оставляя бледные, белые отпечатки на темном лаке, словно знаки отчаяния. — Я просто не могу так больше… Эта постоянная неопределенность, эта серая зона между «да» и «нет» разъедает меня изнутри, точит кости. Я не знаю, чего ждать завтра, и это лишает меня сна, рассудка, самого себя.

— Эй… подожди секунду. Что все это значит? Разве я плохо с тобой обращаюсь? Подумай трезво, отключи эту драму. Я вожу тебя по самым закрытым вечеринкам города, куда обычному человеку вход строго закрыт за воротами. Я открываю тебе двери, которые для других остаются навсегда запертыми. Я тебя не бью, не унижаю прилюдно, не ограничиваю в передвижениях и не слежу за каждым твоим шагом. Я покупаю тебе дорогие платья, которые подчеркивают каждую изгиб твою фигуры, дарю украшения, о которых ты могла только мечтать в подростковом возрасте. Черт возьми, я обращаюсь с тобой как с королевой, как с музой, а не как с прислугой. Где здесь проблема? Почему ты не видишь щедрости, а ищешь подвох?

Я стиснула зубы до боли, стараясь сдержать нахлынувшие эмоции, которые хотели вырваться наружу потоком слез или истерики. Внутри всё сжималось в тугой комок от осознания абсурдности ситуации, но я знала одно: если я сейчас заплачу, он выиграет эту битву. Слезы — это его оружие, моя слабость, которую он использует, чтобы доказать, что я нестабильна и неадекватна.

— Я знаю, что ты хороший человек, и знаю, что ты хорошо со мной обращаешься. Очень хорошо. Слишком хорошо, чтобы быть честным, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза, заставляя себя не отводить взгляда. — Но наша договоренность была рассчитана ровно на один месяц. Это было условие, которое мы оба приняли, зафиксировали, подписали в своих головах. А сейчас прошло два месяца и пять дней. Время истекло. Долг оплачен. Мне нужно, чтобы это закончилось. Сейчас. На этой неделе. Без продлений, без условий, без «еще немного».

Он пожал плечами, делая вид, что мои слова не оказывают на него никакого влияния, что они скользят по его броне, не оставляя следов. Однако в глубине его зрачков, в той темной глади, что обычно казалась непроницаемой, мелькнула тень раздражения — едва уловимая, но яркая, как искра в сухой траве. Он медленно откинулся назад, скрестив руки на груди, и его улыбка стала еще более холодной, превращаясь в маску высокомерного превосходства.

— Почему? — мой голос дрогнул, но я заставила себя произнести эти слова громче, чтобы заглушить внутренний страх.

— Потому что я хочу снова быть свободной, — страстно, почти криком воскликнула я. Эти слова сорвались с губ, как освобождение от невидимых оков, которые он надел на меня месяц за месяцем, год за годом.

Влад медленно вскинул руки, ладонями вверх, в жесте театрального непонимания и обиды, который он так любил разыгрывать, когда чувствовал, что теряет контроль.

— Ты свободна, — спокойно, с едва уловимой усмешкой ответил он, словно объясняя ребенку что-то очевидное.

— Как я могу быть свободна? — возмутилась я, чувствуя, как внутри разрастается горечь. — Я должна приходить к тебе домой всякий раз, когда ты мне звонишь, а это происходит почти каждую ночь. Я не знаю, есть ли у меня другие планы, другие желания, другая жизнь. Моя жизнь — это просто график твоих прихотей.

— Что в этом плохого? — он сделал шаг ко мне, его взгляд стал тяжелым и властным. — Ты наслаждаешься сексом со мной. Я заставляю тебя кончать. Я даю тебе то, чего ты не можешь получить от других.

Его голос был таким мерзким, липким и самодовольным. В нем звучала уверенность человека, который считает, что купил право распоряжаться чужим телом и душой.

Мне казалось, что я бьюсь головой о кирпичную стену, которая не просто твердая, но и непробиваемая. И моя голова уже превратилась в кровавое месиво от бесконечных ударов, а он был так уверен в своем праве использовать меня, эксплуатировать мои слабости и подавлять мою волю до того дня, пока ему не станет скучно, пока искра интереса не погаснет.

Я перепробовала все. Лесть, когда я пыталась подстроиться под его ритм, чтобы смягчить его требования. Гнев, который имел впечатляюще неприятные последствия — он наказывал меня холодностью или, наоборот, агрессивной демонстрацией силы. Нежелание, которое, парадоксальным образом, он чрезвычайно наслаждался, видя в этом вызов, который нужно сломить. Холодность и отстраненность — тоже возбуждали его, заставляли охотиться еще яростнее.

Единственное, чего я еще не пробовала — суровая, неприкрашенная правда. Правда, которая могла разрушить иллюзию его всемогущества.

Я глубоко вдохнула, собрала остатки сил и твердо посмотрела ему в глаза.

— Мне не нравится секс с тобой, — выговорила я каждое слово, словно высекая их из камня. — Я никогда с тобой не кончала. Твои попытки заставить меня испытать оргазм — это просто эгоистичная игра, в которой я участвую против своей воли.

Его глаза мгновенно изменились. Темные зрачки сузились, а радужка потемнела от ярости, превратившись в черные провалы. Впервые я увидела, что попала ему в самое больное, самое уязвимое место — в его нарциссизм, в веру в свою неотразимость. Но он был мастером маскировки. Вспышка гнева погасла так же быстро, как и возникла, сменившись ледяным, расчетливым спокойствием, от которого по спине пробежал холодок.

5. Ярослава

— Знаешь, что я подумал, когда впервые увидел тебя? Мой взгляд скользнул по твоей фигуре, задерживаясь на губах, и в тот же миг в голове прозвучала одна единственная, жуткая истина. Я подумал, что этот рот создан не для улыбок и не для нежных слов, а исключительно для того, чтобы отсасывать. Ты — шлюха, малышка Яра. Обычная, предсказуемая шлюха. Не я искал тебя, как иногда бывает в этих грязных играх. Нет, именно ты пришла ко мне, протягивая руки, и предложила себя за деньги. Ты сама положила начало этой сделке. И теперь, когда обещанные мною деньги уже лежат у тебя в кармане, ты пытаешься сбежать, думая, что контракт расторгнут. Что ж, мы заключили сделку, и условия её жестки: я буду использовать тебя, пока мне не надоест. Но сейчас, посмотри мне в глаза, мне ещё не надоело. Так что же ты сделаешь? Но прежде чем ответить, подумай хорошенько, потому что я уже однажды рассказывал тебе, что происходит с теми, кто осмеливается нарушить обещания, данные мне. И знаешь, что самое страшное? Те, кто страдает от этого, — не ты. Это твои близкие, люди, которых ты любишь больше всего на свете. Их жизнь превратится в ад из-за твоего глупого бунта.

Я опустила голову, признавая своё поражение. Внутри меня разлилась ледяная пустота, холод, который пробирал до костей. Что бы я ни говорила или ни делала, мы всегда оказывались в этом безвыходном тупике, где единственная моя роль — жертва. В глубине души я хотела сбежать, сорваться с места и исчезнуть навсегда. Мне хотелось вонзить нож в его черное, каменное сердце, разбить эту маску равнодушия. Но я не знала, что делать. В тишине комнаты раздался тихий голосок внутри меня, словно шёпот собственного рассудка: «Просто держись, Яра. Ему станет скучно. Чем больше ты будешь сопротивляться, тем ярче будет его интерес, тем сильнее он захочет удержать тебя в своих когтях. Будь холодна. Будь бесстрастна. Стань пустой оболочкой, которую ему будет неинтересно ломать».

— Я помог тебе, когда никто другой этого не сделал, — его голос прозвучал низко, с оттенком требовательной укоризны. — Немного благодарности не повредило бы.

Я знала, что эта ночь будет очень долгой, мучительной и невыносимой. Меня неизбежно накажут за мою честность, за ту искру сопротивления, которую я позволила себе проявить. На этот раз я ранила его эго, задела за живое, и он не позволит мне выйти сухой из воды. Нужно заглушить надвигающуюся боль, спрятать страх глубоко внутри. Я медленно подняла голову, заставляя мышцы лица слушаться моих приказов.

— Да, мне нужно выпить, — медленно, с трудом подбирая слова, сказала я. Мой голос звучал глухо, отстранённо, так же пусто и безжизненно, как я чувствовала себя внутри.

— Хорошо. Выпей немного. Это поможет избавиться от головной боли, — он усмехнулся, и эта улыбка не достигла глаз. — Потому что сегодня ночью я заставлю тебя насладиться сексом со мной. И я не остановлюсь, пока ты не кончишь, пока каждая клеточка твоего тела не признает мою власть.

Он с усилием отворил тяжелые французские двери, и я переступила порог, мгновенно окутанный густым, уютным теплом, которое контрастировало с ледяным ветром за спиной. Как только массивные створки с глухим стуком захлопнулись, отсекая внешний мир, я быстро, почти бегом, направилась к центру внимания — в главную гостиную, где вечеринка достигла своего апогея. Воздух здесь был густым от смеха, звона бокалов и громких разговоров; звуки радости захлестнули меня с такой силой, что я почувствовала себя пойманным зверем, забредшим в чужую клетку, где все вокруг живут своей жизнью, а я лишь лишний, неуместный элемент.

Я остановилась у входа в комнату, и мой взгляд, полный отчаяния, начал метаться по сторонам, ища хоть одну бутылку крепкого алкоголя. Мне нужна была передышка, мне нужно было притупить острые углы реальности. Большая порция чего-нибудь крепкого и горького

стала бы идеальным анестетиком, позволяющим пережить предстоящее испытание без ощущения полной уязвимости.

Но тщетно. Я не нашла того, что искала. Шампанское, виски, коньяк — всё было разлито по бокалам или скрыто от глаз, и ни одной свободной бутылки не оказалось под рукой.

Вместо этого мой взгляд, блуждающий в поисках утешения, внезапно столкнулся с чужим. Это был взгляд высокого мужчины, чьи волосы были окрашены в глубокий, безотражный цвет воронова крыла. Но самое поразительное заключалось не во внешности, а в его глазах — они были шокирующе светлыми, почти прозрачными, что создавало пугающий контраст с темнотой волос. Несколько секунд я не могла пошевелиться, словно прикованная к месту невидимыми путами. Застыв в неподвижности, я уставилась в эти ледяные серые глубины, пытаясь разгадать их тайну. Это было равносильно тому, как смотреть прямо в глаза хищнику, который еще не решил, станет ли он охотником или жертвой. В этом взгляде не было ни капли жалости, ни намёка на чувство добра или зла. Никаких человеческих эмоций. Только холодная, острая, как лезвие бритвы, концентрация, рассекающая пространство между нами.

Я узнала его. Конечно, я узнала. Я читала о нем в газетах, слышала шепотки в коридорах власти и боязливое бормотание в темных переулках. Да и кто из тех, кто жил в этом городе, не слышал его имени? Оно висело в воздухе, как угроза. Но никогда раньше мне не доводилось видеть его лично, не чувствовать на себе этот тяжелый, давящий взгляд. Внутри меня что-то резко изменилось, словно запустился механизм, который невозможно было остановить. Единственный способ, которым я могла бы описать происходящее, — это сравнить с просмотром одного из тех замедленных видеороликов, где семя, упавшее в землю, медленно укореняется, прорастает и затем раскрывается в великолепный, но ядовитый цветок. Процесс был неизбежным, красивым и пугающим одновременно.

Посмотрев в глаза Владу, я наконец поняла, кем он был на самом деле, за всеми этими слоями обмана и пафоса. Передо мной сидел не тот «крупный игрок», которого изображали в СМИ. Это был скользкий, недалекый, мелкий мошенник, который пытался примерить на себя шкуру крупного гангстера, но ему это не удавалось. Его тщеславие было слишком очевидным, его амбиции — слишком ограниченными. Когда я посмотрела в глаза этого мужчины, я точно знала, кем был он на самом деле, без всяких прикрас и иллюзий.

Чудовищем с каменным сердцем.

6. Константин

В ослепительном сиянии хрустальной люстры ее светлые волосы казались сотканными из самого золота, переливаясь мягким, почти божественным блеском. Она оказалась несравнимо красивее, чем я мог себе представить, читая лишь сухие досье или слыша пересказы. В ней было что-то маниакальное, соблазнительное и опасное одновременно — настоящий ангел, ниспосланный не для спасения души, а созданный специально для греха.

Я пристально, неотрывно смотрел на нее, позволяя своему взгляду скользить по каждой линии ее силуэта, пока наши глаза наконец не встретились. Я прекрасно знал, какое гипнотическое воздействие оказывает мой взгляд на женщин, когда я направляю его с той холодной, оценивающей интенсивностью, с какой смотрел сейчас. И реакция не заставила себя ждать: как маленький, беззащитный олененок, застигнутый врасплох ослепляющим светом фар приближающейся машины, она замерла. В ее глазах мелькнул чистый шок и растерянность, словно она впервые увидела мир, который внезапно стал слишком ярким и агрессивным.

И тут меня охватило нечто иное. Не просто интерес, а первобытное, дикое желание. Желание раздвинуть эти длинные, безупречно красивые ноги и взять ее так, чтобы она забыла собственное имя. Я чувствовал, как кровь приливает к лицу, и понимал, что одного раза будет совершенно недостаточно. Мне нужно было стереть с ее лица это шокирующее выражение, заменить его другим.

Удовлетворенный тем, что мое решение уже созрело и не подлежит обсуждению, я позволил своему взгляду медленно, предательски скользнуть вниз и зафиксироваться на мужчине, который подошел к ней сзади. Ах да, теперь я ясно вспомнил это лицо. Он был частью той темной истории, которая связывала меня с Хейлом. Приблизившись к ней, он что-то шепнул на ухо, его губы двигались близко к ее шее, но она не ответила, оставаясь неподвижной от моего внимания.

Я сделал несколько уверенных шагов вперед, направляясь к этой, казалось бы, идиллической паре. Когда я остановился прямо перед ними, перекрыв им воздух, мужчина резко поднял голову. Увидев меня, его глаза расширились до предела, и мне показалось, что он вот-вот выпрыгнет из своей кожи от страха и изумления.

— Господин Романов! — выпалил он, голос сорвался на визг, а зрачки расширились еще больше.

— Владислав, — тихо, ровно и холодно ответил я, произнося его имя так, будто проверяя его на подлинность.

Его удивление было почти комичным, граничащим с испугом. Он даже отступил на шаг назад, словно пытаясь найти дистанцию, которая могла бы его спасти.

— Вы... вы знаете меня?

— Я никогда не забываю ни лиц, ни имен, Владислав. Это мой профессиональный недостаток, если можно так выразиться. Мне указали на тебя на похоронах Хейла пять лет назад. Ты тогда выполнял для него кое-какую работу. Не так ли?

Все его лицо, от лба до подбородка, мгновенно осветилось смесью страха и восторга. Он попытался улыбнуться, но получилось скорее гримасой.

— Да-да, совершенно верно! — забормотал он, кивая так быстро, что волосы начали двигаться. — Но это невероятно потрясающе. Я и не подозревал, что вы вообще знаете о моем существовании. Я очень счастлив. Правда, очень счастлив узнать, что господин Романов помнит меня. Если я хоть чем-то могу быть вам полезен, пожалуйста, прошу, дайте мне знать, и я буду более чем рад выполнить любую вашу просьбу.

Я позволил одному уголку своих губ слегка приподняться в подобии улыбки, но в глазах осталась лишь ледяная насмешка.

— Хм… возможно, есть кое-что, что ты можешь для меня сделать прямо сейчас.

Он радостно просиял, словно я только что подарил ему выигрышный лотерейный билет.

— Замечательно. Просто великолепно. Буду рад помочь вам всем, чем смогу. Готов выполнить любой приказ.

Я наблюдал за ним, чувствуя, как внутри растет холодное удовлетворение. Хейл был прав: этот тип был жалким, предсказуемым и легко управляемым.

— Ты не присоединишься ко мне, чтобы выпить? — предложил я, делая шаг в сторону выхода.

— Да. Конечно! — нетерпеливо воскликнул он, спеша последовать за мной, словно боясь, что я передумаю. — Это было бы совершенно чудесно.

— Хорошо. Давай пройдем в кабинет Арсена. Полагаю, там он хранит свой лучший виски, который нам и понадобится.

— О, да. — Мой голос прозвучал холодно и отстраненно, словно ледяной ветер, пронизывающий толстую шубу. Я медленно повернулся к женщине, чье имя звучало для меня как напоминание о чем-то далеком и, возможно, опасном. — Жди меня здесь, Яра. Я вернусь, когда закончу с господином Романовым.

Я не стал смотреть ей в глаза, предпочитая сохранять дистанцию, которая отделяла меня от мира простых смертных. Однако краем глаза я успел заметить, как ее веки дрогнули, а ответом на мои слова стал лишь сухой, механический кивок. В этом движении не было ни живого интереса, ни страха — лишь привычка подчиняться, выработанная годами или, возможно, природой ее существа.

— Пусть идет с нами, — тихо, почти шепотом, произнес я. Эти слова сорвались с губ раньше, чем я успел обдумать их последствия.

— О, нет, ей становится скучно от мужских разговоров, — быстро, почти испуганно вставил Влад, торопясь загладить ситуацию. Его тон был полон той липкой, приторной любезности, которую я так не терпел. Он считал, что защищает меня от лишней головной боли, но на деле лишь подчеркивал свою слабость.

Я резко повернулся к девушке, позволив своему взгляду обрушиться на нее всей своей тяжестью. Я искал в ее глазах хоть искру сомнения, хоть проблеск неуверенности, но нашел лишь пустоту, которая, парадоксальным образом, казалась мне честнее любых эмоций.

— Это правда? — спросил я, и в моем голосе звучала сталь.

— Я… я… да, то есть… нет, — пробормотала она, сбиваясь на каждом слоге. Ее замешательство было искренним и смешным одновременно. Она запуталась в собственных желаниях, не зная, чего от нее ждут: правды или лжи, присутствия или отсутствия.

Я заставил себя отвести взгляд от ее губ, которые слегка дрожали, и перевел внимание обратно на шутовскую улыбку моего спутника. Влад ждал моего решения, как собака ждет команды хозяина.

— Вот так. Ей не будет скучно.

Влад напрягся, затем с усилием растянул губы в подобии улыбки, которая больше походила на гримасу боли.

— Конечно, Яра может пойти с нами.

— Сюда.

Я развернулся и направился к массивной дубовой двери кабинета Арсена. Я знал, что старик не будет возражать, если я воспользуюсь его кабинетом или даже допью тот редкий, выдержанный десятилетиями виски, который он берег для особых случаев. Для меня это был не просто алкоголь, а инструмент, помогающий сосредоточиться перед разговором, который мог изменить все.

Я толкнул дверь, и она бесшумно отступила в сторону. Внутри пахло старой бумагой, дорогим табаком и чем-то неуловимо древним. Я щелкнул выключателем, и мягкий свет ламп

с теплым оттенком озарил пространство. Одна стена огромной комнаты, почти в три метра высотой, была полностью заставлена массивными книжными шкафами, заполненными томами в кожаных переплетах. Пыль осела на корешках, но книги хранили свои тайны. Перед большим окном, через которое виднелся ночной город, стоял антикварный письменный стол из красного дерева, покрытый множеством папок и бумаг. В углу, утонував в тени, располагались глубокие черные кожаные диваны, приглашающие к отдыху или к длительному ожиданию.

Я махнул рукой в сторону мягкой мебели, уже направляясь к встроенному в стену мини-бару.

— Присаживайтесь.

Я открыл золотой замок шкафа и плеснул в три тяжелых хрустальных бокала щедрые порции лучшего виски Арсена. Жидкость бурлящим потоком наполнила стекла, отражая свет ламп искрами. Я отнес их к диванам, ставя их аккуратно на журнальный столик, чтобы звук удара стекла о дерево не нарушил тишину слишком грубо.

Влад тут же вскочил с места, будто сидеть, пока я стою, было прямым оскорблением моему положению. Его движения были резкими, нервными, выдающими внутреннее напряжение.

— Садись, — приказал я, не повышая голоса, но так, что каждое слово прозвучало как приговор.

Его стремление угодить, эта жалкая попытка казаться полезным и внимательным начинала раздражать меня все сильнее. Мне не нужны были слуги, готовые выполнять каждое мое движение по команде. Мне нужен был партнер, хотя бы в этой игре теней и угроз. Но Влад был лишь тенью, бледной и неопределенной, и я знал, что рано или поздно ему придется доказать, что он способен быть чем-то большим, чем просто придаток к моей воле.

7. Константин

Он снова тяжело опустился на мягкую обивку дивана, словно все силы покинули его тело. Я медленно протянул стакан Яре, намеренно замедляя движения, чтобы создать напряженную паузу. Мои пальцы коснулись ее ладони — легкое, но отчетливое прикосновение, которое прожгло холодом и жаром одновременно. Она резко дернулась, будто от удара током, ее глаза метнулись вверх, встретившись с моим взглядом. В этих глазах читалось широкое, почти детское удивление, смешанное с испугом, а щеки стремительно окрасились в густой, горячий румянец, выдавая ее волнение. В этот миг между нами возникла невидимая, но прочная связь, вибрация, понятная только нам двоим. Итак, мы были на одной волне, в одной точке напряжения.

— Спасибо, — прошептала она, и голос ее дрогнул, поспешно опуская влажный взгляд вниз, чтобы скрыть свое смущение.

Я поставил стакан Владу на кофейный столик, внимательно следя за тем, чтобы стекло не стукнуло по дереву слишком громко, и опустился на диван напротив него. Я поднял свой бокал, разглядывая янтарную жидкость в свете приглушенных ламп.

— За хорошие времена, — произнес я четко, придавая словам особый вес.

— За хорошие времена, — эхом отозвались Яра и Влад одновременно, их голоса слились в едином аккорде.

Я откинулся назад, занимая больше пространства, и сделал уверенный глоток. Коньяк обжег горло, даруя приятное тепло.

— Ух ты! Отличный виски, — заявил Влад, пытаясь придать своему тону непринужденность, но в нем звенела фальшь.

Именно в этот момент, чувствуя эту фальшь и слыша этот лживый восторг, я окончательно решил, что больше ни секунды не выдержу его присутствия. Его существование стало лишним элементом в уравнении, которое я собирался решить.

— Я хочу твою женщину, — сказал я прямо, без предисловий и смягчающих вводных слов. Голос мой звучал ровно, холодно и неумолимо, как приговор.

Яра в шоке ахнула, воздух в комнате словно мгновенно закончился. Влад поперхнулся виски, захлебнувшись от неожиданности. Он начал кашлять, пытаясь выровнять дыхание, но его лицо побледнело до прозрачности.

— Извините? — пролепетал он, слова вырвались хрипло, не поддаваясь контролю. Его глаза широко раскрылись, отражая полное непонимание происходящего.

— Ты меня слышал, — повторил я, и мой голос стал еще холоднее, превращаясь в тонкий ледяной клинок.

На секунду мужчина казался совершенно сбитым с толку, потерявшим способность мыслить. Он посмотрел на меня, потом на Ярославу, потом снова на меня, пытаясь считывать подсказки в моих глазах. Открыл рот, закрыл его и снова открыл, как рыба, выброшенная на берег, с крошечным мозгом, не способным обработать такой объем информации. Затем он так сильно сглотнул, что кадык дернулся под напряженной кожей, а на лбу, несмотря на прохладу в комнате, выступили холодные капельки пота.

Я ждал. Не торопил, не давил, просто наблюдал, позволяя тишине расти и сгущаться.

Тишина в комнате стала такой оглушающей, плотной, что я отчетливо слышал собственное биение сердца и дыхание женщины. Быстрое, частое, поверхностное. Оно напоминало дыхание маленького зверька, который очень долго убегал от хищника, скрываясь в кустах и норах, и вот, наконец, на краю обрыва, когда бежать больше некуда, он развернулся, чтобы встретиться лицом к лицу со своим врагом. Он знал, что обречен, что победа невозможна, но инстинкт заставлял его не сдаваться. Он собирался сражаться не на жизнь, а на смерть, цепляясь за последний клочок свободы.

Я не смотрел на нее. Мои глаза были прикованы к Владу. На женщину он тоже не смотрел — страх перед лицом противника был сильнее желания защитить объект вожделения. Вместо этого он опустил глаза вниз, на свои сцепленные в замок руки, сжимая их так, что костяшки побелели. Я с холодным любопытством уставился на него, пока он вел уже заранее проигранную битву внутри собственной головы. Он не хотел отказываться от женщины, его эго и привязанность сопротивлялись, но соблазн работать на меня, перспектива невероятного богатства и власти, которую я мог предложить, была слишком велика. Этот внутренний конфликт разрывал его изнутри, и я наслаждался каждым мгновением этой внутренней борьбы, зная, что исход предрешен.

— Конечно. Это будет для меня честью, — наконец, с видимым облегчением и глубоким, почти благоговейным уважением пробормотал он, словно выговаривая священные слова. Он резко опустил взгляд в пол, пытаясь скрыть тот неуловимый блеск, который мелькнул в его глазах, выдавая внутреннее напряжение. Его голос дрогнул, предательски выдать смешанный коктейль из нескрываемой нервозности и искренней, почти болезненной благодарности, которая сквозила в каждом звуке.

— Ты принял мудрое решение, — спокойно и уверенно произнес я, позволяя тяжелой паузе повиснуть в воздухе, густой и насыщенной, чтобы каждое мое слово обрело необходимый вес и значимость. Я дал ему время осознать масштаб случившегося. — Кто-нибудь свяжется с тобой завтрашним утром. Тебе позвонят, и мы сделаем… формальное предложение. Не торопись, не пытайся ускорить события. Все будет происходить строго согласно протоколу, шаг за шагом, как того требуют правила игры.

— Спасибо вам. Огромное спасибо за вашу милость и доверие, — повторил он, словно пытаясь запечатлеть мои слова в памяти, проговаривая их шепотом, как заклинание. — Я буду с нетерпением ждать вашего звонка и самого предложения. Вы можете быть уверены в моей преданности. Я не подведу. Клянусь.

— Теперь можешь идти. Свободен.

Он почти подпрыгнул на месте, не в силах сдержать свой порыв, тело напряглось в предвкушении свободы и нового статуса.

— Приятной ночи, господин Романов. И еще раз — спасибо.

Я лишь кратко кивнул, не меняя выражения лица, сохраняя маску холодного спокойствия.

— Так и будет. Спокойной ночи.

При моих последних словах его лицо резко покраснело, будто горячая кровь бросилась ему в щеки от смущения или, возможно, от стыда за свою слабость. Я не думал, что это вообще возможно в такой ситуации, но, судя по всему, женщина, о которой шла речь, была ему действительно дорога, и это обстоятельство явно выводило его из равновесия, лишая привычной хладнокровности. Когда он, избегая моего взгляда, повернулся и направился к двери, шаркая ногами по ковру, я переключил все свое внимание на Ярославу.

Она сидела неподвижно, словно статуя, побледнев до прозрачности, так что под тонкой, почти фарфоровой кожей проступал синеватый рисунок вен, напоминая карту хрупких связей. Ее восхитительные, обычно пухлые губы мелко дрожали, предательски выдавая бурю эмоций, бушующую внутри. От ярости? Или от всепоглощающего страха? Я не знал, и, честно говоря, мне было абсолютно все равно. Главное — результат.

8. Ярослава

— Я не шлюха, — выпалила я, и эти слова сорвались с моих губ, словно острые, обжигающие осколки разбитого стекла, рассекая густую, спертую атмосферу комнаты, пропитанную запахом дорогого табака и тяжелым безмолвием. Я пребывала в таком состоянии сюрреалистического, тягучего неверия, что мой голос прозвучал чужим, неузнаваемо хриплым шепотом, едва ли слышимым в мертвой, давящей тишине помещения, будто сам звук боялся нарушить хрупкий баланс этого момента. Никогда в жизни меня не передавали от одного мужчины к другому, словно поношенную сумочку или старую книгу, которую можно перепродать за бесценок, чтобы очистить полки от ненужного хлама и освободить место для чего-то более нового, более выгодного. В моем присутствии, но при этом при принятии судьбоносного решения я не имела ни малейшего права голоса, словно меня вовсе не существовало, будто я была лишь тенью, прилипшей к полу, или декорацией, не заслуживающей даже внимания. Будто никаких последствий не будет, будто мои чувства и достоинство не имеют веса в этой холодной арифметике сделок. Будто я — вещь. Тусклая, незначительная вещь, которой можно распоряжаться по своему усмотрению, как старым ботинками, которые уже давно пора выбросить, не задумываясь о том, что они когда-то принадлежали живому человеку, ходившему по земле.

— Знаю, — тихо, почти бесшумно ответил он. Его тон был ровным, лишенным всякой иронии или насмешки, что пугало меня еще больше, чем если бы он разразился грубым, истерическим смехом. В этом голосе не было ни капли эмоций, только сухая, отточенная логика человека, привыкшего решать проблемы, а не обсуждать их. — Но поскольку ты явно его ненавидишь, и тебе отчаянно нужны деньги для оплаты медицинских счетов отца, я подумал... ты ухватишься за возможность убить двух зайцев одним выстрелом.

Я подалась вперед, инстинктивно пытаясь сократить дистанцию, хотя физически мы стояли далеко друг от друга, разделенные пропастью непонимания и жестокости обстоятельств, которая казалась мне бездонной. Мои глаза расширились от шока и ошеломляющего неверия, зрачки расширились так сильно, что мир вокруг сузился до узкого круга его лица, в котором я искала хоть искру человечности, хоть намек на совесть, но нашла лишь холодное, расчетливое спокойствие, за которым пряталась неприступная крепость равнодушия.

— Откуда вы знаете, что мне нужны деньги именно для отца? — спросила я, и в каждом слоге прорезалась ледяная сталь, такая же твердая и безжалостная, как клинок. Мой голос не дрожал, хотя внутри все сжималось в тугой, болезненный комок, готовый разорваться от напряжения.

Он небрежно пожал плечами, словно обсуждал погоду за окном или утренние котировки валют на бирже. Это было спокойное, почти презрительное безразличие, которое оскорбляло куда сильнее любых грубых слов, криков или угроз. Оно говорило о том, что моя боль, моя паника и моя отчаянная нужда были для него лишь мелочью, не стоящей внимания, фоном для его собственного комфорта.

— Я наслаждался сигаретой в беседке, когда ты вошла и позвонила кому-то.

— О.

Это было единственное, что я смогла выдохнуть. Звук вышел глухим, подавленным, едва уловимым. Я была слишком поражена, чтобы мыслить здраво, слишком растеряна, чтобы подобрать хоть одно адекватное, логичное возражение. Мой разум отказывался работать, погруженный в густой туман шока. Я потрясла головой, пытаясь прояснить сознание, от которого кружилась голова и плыло перед глазами. Он был в летнем домике, в самом сердце сада, скрытый густой листвой и прохладной тенью старых деревьев. Я зашла туда всего на мгновение, ища убежища от назойливых гостей, их фальшивых улыбок и пустых разговоров, а также от собственной нарастающей паники. А там был он. Я думала, что одна, что никто не видит моей

слабости, и позволила горю выйти наружу, рыдая в трубку телефона, шепча отчаянные мольбы о помощи. А он видел меня. Он видел, как я ломаюсь, как рушится мое хрупкое равнодушие. Я чувствовала себя глубоко, пронзительно, до костей оскорбленной, лишенной последнего клочка приватности, той тайной территории души, которую я считала неприкосновенной.

Я сделала глубокий, судорожный вдох, чувствуя, как воздух режет легкие, пытаясь удержать внутри ту ярость, которая готова была выплеснуться наружу и сжечь всё дотла — этот сад, этот дом, эту ложь. Но я сдержалась, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

— Значит, — мой голос дрожал от ярости, от бессилия и от осознания того, что я полностью обнажена перед ним, как на ладони, — у меня нет выбора. Я просто должна уйти с вами сегодня и стать вашей любовницей, а не его.

— Нет, — спокойно, почти монотонно возразил он, словно комментируя погоду или курс валют. — У тебя есть выбор. Если ты сегодня добровольно не уйдешь со мной, Устинов, по вполне понятным и предсказуемым причинам, тут же снова предъявит на тебя права. И ты знаешь, как он умеет настаивать, когда чувствует слабину.

Впечатляющий гнев, который я испытывала по отношению к нему, этот раскаленный шар, разгорающийся в груди, потому что он хладнокровно, как хищник, наблюдал за мной в самый уязвимый момент моей жизни и решил воспользоваться этой слабостью, превратился в бесформенный, тяжелый комок. Я физически не могла сдержать дрожь отвращения, охватившую конечности, при одной лишь мысли о возвращении в его объятия, к Владу. Каждый шаг в его сторону казался мне шагом в пропасть, где нет дна.

— Ты получишь финансовую компенсацию, — мягко, с той пугающей вежливостью, которая часто скрывает истинную суть, добавил он. Его голос звучал так, будто он предлагал мне не сделку, а благотворительную помощь.

— Что со всеми вами такое? — с горечью, граничащей с истерикой, взорвалась я. Голос сорвался на визг. — Неужели никто из вас, представителей вашего круга, не может найти себе женщину, не купив ее? Неужели человеческие отношения для вас — это просто перечень услуг и ценников?

Он улыбнулся. Если это вообще можно было назвать улыбкой. Скорее, это была невеселая усмешка, искажающая черты лица, в которой читалось издевательство и уверенность в собственной непогрешимости.

— Покупать женщин — мое предпочтение, — ответил он, не меняя тона. — Заключение сделки при этом проходит гладко и бесстрастно. Никаких эмоциональных драм, никаких недомолвок. Обе стороны точно понимают условия: ты получаешь то, что нужно тебе, я получаю то, что хочу. Это честный обмен.

— Это ужасно, — выдохнула я, чувствуя, как внутри все сжимается от брезгливости. Мои слова были тихими, но полными осуждения.

Мое осуждение абсолютно его не тронуло. Оно не вызвало ни раскаяния, ни раздражения — только холодное безразличие человека, который видит в моих словах лишь шум ветра.

— Вот мои условия. Слушай внимательно, так как повторений не будет. Либо ты их принимаешь, либо нет. Я буду оплачивать все медицинские счета твоего отца, включая самые дорогие процедуры и препараты, до тех пор, пока его не выпишут из клиники. Взамен ты на один месяц станешь моей любовницей. Полностью моей. Без права отказа и без права жалоб.

Ох, только не это снова. Меня больше не обманешь этой лживой конструкцией «сделки на один месяц». Я уже видела, как эта схема работает изнутри.

— Где я уже слышала эту чушь раньше? — саркастически, с горькой усмешкой, спросила я, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Он нахмурился. Брови сошлись над переносицей, создавая глубокие морщины.

Это выражение придало ему такой устрашающий, почти звериный вид, что я почувствовала, как по спине пробежала ледяная дрожь страха. Сердце забилось в горле, но я зашла слишком далеко, чтобы остановиться или отступить. Внутри кипела ярость, скопившаяся за месяц и пять дней разлуки, унижений и невысказанных претензий.

— Своим предложением «хочу твое тело на месяц», — продолжила я, и слова лились сами собой, освобождая меня от боли, — вы пользуетесь женщинами, которые отчаянно нуждаются в деньгах, которые находятся на грани выживания. Вы находите их слабые места, давите на них, а затем продолжаете следовать своей главной цели. Месяц превращается в два, два в три, три... в бесконечность, в рабство, в зависимость, которую вы создаете искусственно.

Внезапно я остановилась, резко замолчав. Я увидела холодную, непробиваемую ярость, которая мгновенно наполнила его глаза, превратив их в ледяные черные колодцы. Воздух вокруг словно сгустился, став тяжелым и нестерпимым.

9. Ярослава

Его голос звучал обманчиво спокойно, ровным, лишенным малейших эмоций потоком, словно шелк, скользящий по коже. В нем не было ни гнева, ни страсти, лишь холодная, отточенная вежливость, которая пугала больше, чем любой крик.

— Если мы действительно собираемся поладить, Ярослава, то ты должна четко запомнить одну фундаментальную вещь. Никогда, слышишь, никогда не ставь меня в один ряд с тем мошенником, с которым ты была связана. Это мое единственное непререкаемое условие. Да, ты прекрасна. Безусловно. Но не больше, чем некоторые другие женщины, которые уже находились в моей постели. Я не буду скрывать фактов: твое присутствие мне потребуется недолго. Не более месяца. Возможно, чуть меньше. Чтобы избежать любых недопониманий в будущем, мы подпишем официальный контракт с четко прописанными условиями.

Я замерла, чувствуя, как холодок пробегает по спине, а дыхание сбивается на полпути. Мир вокруг будто остановился, оставив только его голос и эти страшные слова.

— Подпишем контракт? — выдохнула я, и мой голос прозвучал тихо, почти неуверенно.

Он кивнул, не меняя выражения лица. Его движения были плавными и уверенными.

— Тебе также придется подписать строгое соглашение о неразглашении. Оно запрещает тебе раскрывать кому-либо, будь то друзья, родственники или СМИ, любую информацию обо мне, о нашей «работе» или о том, что ты увидишь и услышишь внутри моего дома в период твоего пребывания там. Тишина должна быть абсолютной.

Работы у него. Ух ты! Никаких завуалированных эвфемизмов, никаких романтических намёков. Он наглядно показал мне, кто здесь хозяин положения. Он нанимал меня для секса. Я буду лишь инструментом, телом для утоления его временной похоти, функциональным объектом, который можно заменить в любой момент. Он точно знал, как лучше всего заставить кого-то почувствовать себя маленькой, ничтожной и полностью зависимой от его милости.

Но парадоксальным образом, в этом жестком, циничном подходе было что-то даже более честное, чем его прежние игры. Когда Влад называл меня «малышкой», прижимая к себе, мне всегда хотелось плеснуть ему в лицо кипятком. Эта ласковая лесть казалась мне ложью. Мне не хотелось быть его «малышкой». Ему было абсолютно плевать на мои чувства, мои страхи и мои желания. Он использовал мое тело против моей воли, манипулируя эмоциями ради собственного эго. Здесь же, в этой сделке, была прозрачность. Никакой лжи о любви, только холодный расчет.

Я опустила голову, закрывая глаза, и изо всех сил постаралась рассеять густой туман растерянности, заполнивший мою голову. Я должна была принять решение. Каков мой выбор? Позволить Владу снова навязать мне свою волю, снова стать марионеткой в его руках? Фу… мысль об этом вызывала физическое отвращение. Я бы предпочла умереть, чем вернуться в ту ловушку.

Я глубоко вдохнула и подняла голову, встречаясь взглядом с опасными, притягательными глазами, внимательно наблюдавшими за моей реакцией. На фоне его угольно-черных ресниц радужки казались невероятно светлыми, почти прозрачными, словно у дикого волка, только что вышедшего из снежной метели. Те зернистые фотографии, которые я видела в таблоидах и журналах, не отдавали ему и доли той живой, пугающей красоты, что была передо мной.

Несколько секунд я молча смотрела в эти удивительные глаза, не в силах отвести взгляд. Меня завораживало то, насколько они были прекрасны. Но это была не та красота, которая дарит тепло и утешение. Не прекрасна, как чудесный тропический закат, обещающий спокойный вечер, или как цветок идеальной, безупречной формы. Она была другой. Это была красота ядовитой змеи с ярким, соблазнительным окрасом, которая предупреждает: будь осторожна,

иначе укус может стать смертельным. И в этом смертельном очаровании я чувствовала, как начинаю терять контроль над собой.

Затем мой взгляд, медленный и неумолимый, скользнул вниз и застыл на белом шраме, который резко пересекал левую щеку, нарушая идеальную симметрию черт. Он был тонким, но отчетливым, словно след от чьей-то холодной и жестокой мысли. В голове мгновенно промелькнули старые, полузабытые слухи, шепот которых витал в тенистых уголках нашего общества: оставил ли его когти тигра? Была ли эта метка результатом дикой, необузданной ярости или же следом от чьего-то неудачного покушения? Скорее всего, нет. Этот мужчина был настолько неуловим, его репутация окутана такой густой пеленой секретов, что большинство даже не знало, как он выглядит вблизи, не говоря уже о том, чтобы понять природу его происхождения. Мои пальцы невольно заныли, желая пробежаться по этой искалеченной, блестящей коже, ощутить холодный рельеф рубца, но, конечно же, я ничего подобного не сделала. Прикосновение было бы нарушением неписаного кодекса приличия и личной границы, которую я строго соблюдала.

Нос у него был гордый и аристократичный, с изящным изгибом спинки, который не мог не напоминать носы мраморных статуй древнего Рима — тех самых, что хранят в своих нишах вечность и спокойствие. Его ноздри были идеально широкими, дышащими с легкой, едва заметной властью, что придавало лицу выражение высокомерного достоинства. Я позволила взгляду опуститься ниже, преодолевая барьер холода. Если бы не губы, его лицо казалось бы невыносимо суровым, почти каменным, лишенным каких-либо признаков уязвимости. Лишь губы придавали ему человечности, смягчали резкость линий. Они были полными и чувственными, особенно нижняя, которая казалась чуть более мягкой, приглашающей к прикосновению. Я почти могла представить их текстуру — шелковистую и теплую, — если бы подошла и поцеловала его, позволив себе мгновение слабости. Очевидно, я не собиралась делать ничего подобного. Желание было лишь призраком, не имеющим права на воплощение.

Мой взгляд опустился к волевой челюсти. Она была очерчена так четко, что ей следовало бы быть на развороте журнала мод или обложке элитного мужского издания. Каждый контур кричал о силе характера и непоколебимой решимости. Я позволила глазам путешествовать по плавной линии вниз, к золотисто-коричневой колонне его шеи, где пульсировала жизнь, скрытая под гладкой кожей. Густые волосы цвета воронова крыла, темные и блестящие, касались накрахмаленного белого воротничка рубашки, создавая контраст, который подчеркивал его статус и безупречность.

Я проследила за широкими плечами его безупречно скроенного пиджака, ткань которого идеально облегала мускулатуру, по рукам до самых кистей. Одна большая кисть, слегка согнутая и расслабленная, лежала у него на бедре, демонстрируя силу, способную сжать сталь, а другая держала бокал с вином, пальцы были длинными и уверенными. Мои глаза переместились с мощных мышц, проступающих под натянувшимся материалом брюк, вверх, к выпуклости между его ног. Взгляд задержался там на долю секунды, фиксируя силуэт, который говорил больше, чем любые слова, прежде чем я резко отвела глаза, возвращаясь к реальности.

На мгновение я замерла, словно пригвожденная к месту, и широко распахнутыми глазами уставилась в ее лицо. Внутри меня, в глубине подсознания, попыталось вспыхнуть то самое первобытное, животное отвращение, которое охватило меня тогда, когда Влад впервые позволил себе прикоснуться ко мне. Я искала этот инстинкт, этот крик души, протестующий против нарушения границ, но не нашла ничего. Пустота. Полная, ледяная пустота. Я оцепенела, чувствуя, как кровь отливает от конечностей, оставляя лишь холодный ужас в груди. Медленно, с трудом преодолевая паралич воли, я позволила своему взгляду скользнуть вверх от ее пояса, задержавшись на строгом крое рубашки, и наконец встретилась с его взглядом. Те самые безжалостные, холодные глаза, в которых не читалось ни тени сомнения или сомнений в собственной правоте.

— Так каков ответ? — его голос прозвучал ровно, без эха, отрезвляюще ясно.

Мои губы онемели, но я заставила себя говорить.

— Вы будете оплачивать папины счета, пока он полностью не поправится?

— Да. Однозначно.

— Даже если сумма превысит сотни тысяч? И даже если лечение затянется на месяцы?

— Да. Деньги не имеют значения.

— И я получу это заверение в письменном виде? Юридически обязывающий документ?

Он кивнул, не моргнув глазом.

— Конечно. Все будет зафиксировано.

Весь мой организм словно провалился вниз, освобожденный от невыносимого напряжения. Я почувствовала, как плечи опустились, а дыхание вырвалось наружу в виде длинного, дрожащего выдоха. Облегчение было таким сильным, что оно даже немного пугало. А теперь главное: вылечится ли отец? Сможешь ли ты вернуть его к нормальной жизни?

— Ты принимаешь противозачаточные таблетки? — вопрос прозвучал резко, переводя разговор в совершенно иную, интимную плоскость.

— Да, но... — я запнулась, чувствуя, как жар поднимается по шее. — Но мы должны использовать презервативы. Это обязательно.

Он покачал головой медленно, решительно.

— Нет. Тебе придется пройти полное медицинское обследование и сдать анализы. Как только результаты будут на руках, и если я удостоверюсь, что ты абсолютно здорова, мы откажемся от барьерных средств контрацепции.

Сердце забилось чаще.

— А что, если у вас есть инфекционные заболевания, передающиеся половым путем? Вы тоже сдадите анализы? Я не хочу рисковать своим здоровьем.

Его губы искривились в едва заметной, почти насмешливой усмешке, но в глазах не появилось ни капли юмора.

— Я здоров. Абсолютно. И тебе просто придется поверить мне на слово. Никаких проверок с моей стороны не требуется.

Я проглотила ком в горле. Несмотря на его категоричный отказ проходить обследование самому, тот факт, что он требовал доказательств моей чистоты перед тем, как разрешить близость, говорил сам за себя. Он был чрезвычайно осторожен, параноидально внимателен к вопросам своего сексуального здоровья. Все это звучало слишком безупречно, слишком идеально, чтобы быть правдой. Зачем такому мужчине, как он — богатому, влиятельному, харизматичному, — платить огромные деньги за отношения с женщиной, какой была я? Особенно учитывая его собственное признание о том, что у него были и более красивые, и более молодые спутницы. Здесь обязательно должен быть подвох. И вдруг мне показалось, что я понимаю, в чем он заключается. Это не любовь. Не дружба. Это сделка, где я — лишь инструмент.

Все в нем дышало безжалостной жестокостью, скрытой за маской спокойствия. Однажды, когда он опустил взгляд вниз, густые, угольно-черные ресницы отбросили мягкую тень на его щеки, на мгновение смягчая суровые черты лица. Это создавало иллюзию: может быть, за этой броней скрывается живой человек, а не машина? Возможно, он не так опасен, как кажется. Но стоило ему снова поднять глаза и пронзить меня своим взглядом, как иллюзия рухнула. Его светлые, почти прозрачные серые глаза были ледяными, глубокими и пронзительными, словно

скальпель хирурга. От этого взгляда по моей спине пробежала холодная дрожь, заставившая мурашки ползти по коже.

Я с трудом сглотнула, пытаясь собрать остатки мужества.

— Мне придется заниматься извращениями? — мой голос прозвучал тихо, почти шепотом, но в нем звучала та же сталь, что и в моих предыдущих вопросах. Я должна знать границы.

Он покачал головой отрицательно.

— Тебе не придется делать ничего, чего ты не хочешь. Ничего, что противоречит твоим принципам.

— Я не хочу спать с вами, — эти слова сорвались с моих губ раньше, чем я успела их обдумать. Это был не вопрос, а констатация факта, крик души, который я так долго подавляла. Тишина повисла в воздухе, густая и тяжелая, ожидая его реакции.

10. Ярослава

— Ты уверена в этом, Ярослава?

Его голос прозвучал тихо, почти шепотом, но каждое слово казалось тяжелым свинцовым грузом, давящим мне на грудь и отягчающим дыхание. Это не был вопрос, требующий ответа; это был приговор, вынесенный до преступления. Воздух в комнате вдруг стал густым, неподвижным, словно застыл в ожидании неминуемой катастрофы. Он был наполнен невидимой тяжестью, плотным туманом напряжения, который затруднял каждый вдох. Я почувствовала, как от лжи, только что сорвавшейся с моих губ и все еще вибрирующей в пространстве между нами, к лицу прилил ослепительный жар. Это было похоже на то, словно кто-то поднес ко мне раскаленную сковородку: тепло распространилось мгновенно, обжигая не только кожу, но и душу. Мои щеки пылали так сильно, что я могла чувствовать, как кожа натягивается до предела, а внутри всё сжалось в плотный, болезненный комок, готовый вот-вот разорваться от напряжения. Я чувствовала себя обнаженной, лишенной любых защитных механизмов, полностью уязвимой перед его проницательным взглядом.

— Да.

Один голос, твердый и лишенный колебаний, хотя внутри меня всё дрожало. Но его реакция была другой, далекой от ожидаемого согласия. Одна бровь сардонически приподнялась, создавая на его лице едва заметную, но пугающе уверенную усмешку. Это было не выражение радости или удовлетворения, а скорее предвкушение охотника, который видит, как жертва сама запутывается в собственных тенях, пытаясь скрыться от неизбежного. В его глазах читалась смесь холодного, аналитического интереса и открытого, провокационного вызова, от которого у меня перехватило дыхание, а ноги словно приросли к полу, превратившись в камень. Он не моргал, не отводил взгляда, позволяя мне тонуть в глубине его зрачков, где отражалась моя же собственная растерянность.

— Докажи.

Две коротких слова, брошенные с такой легкостью, что они прозвучали как окончательный приговор. В них не было крика, нет агрессии, только абсолютная, ледяная уверенность в том, что я не смогу выполнить его требование.

— Ч-что? — от шока я начала заикаться, чувствуя, как слова застревают в пересохшем горле, превращаясь в сухие, царапающие комочки. Я попробовала сделать глоток воздуха, но легкие отказались слушаться. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово выскочить из груди и удариться о ребра, оставляя внутри лишь звонкий, пугающий стук, который, я была уверена, слышен во всей комнате. Мой разум метался в панике, лихорадочно пытаясь найти выход, сформулировать оправдание или придумать хоть какую-то уловку, но единственной реальностью оставался только он — его взгляд, прикованный к моему, и та бездна, что открылась между нами, поглощая все мои попытки сопротивляться.

— Иди сюда и докажи это, — мягко поддразнил он. Его тон стал обманчиво нежным, словно шелк, обвивающий шею, гладкий и холодный одновременно, но в нем звучала та самая искра, та древняя, дикая энергия, которая всегда заставляла меня терять голову, забывать обо всем на свете и подчиняться первобытным инстинктам. Он не двигался с места, оставаясь неподвижной скалой в шторме моих эмоций, но его присутствие заполнило всё пространство, сделав отступление невозможным. Каждая клетка моего тела кричала о бегстве, но ноги, предательски послушные, уже начинали делать первые неуверенные шаги навстречу ему, в эту ловушку, из которой, как я теперь понимала, не было выхода.

11. Ярослава

Он оставался абсолютно неподвижным, словно статуя, вырезанная из самого льда, но его зрачки стремительно расширились, поглощая весь свет вокруг. Я, словно завороженная гипнотическим взглядом змеи, не могла отвести глаз от их бездонных, черных глубин. Заглядывать в них было не похоже ни на что из того, что я когда-либо испытывала ранее: это было не просто наблюдение, а погружение в холодную, давящую пустоту, где исчезало всякое чувство реальности и безопасности.

Затем, без малейшего предупреждения, атмосфера в комнате резко изменилась. Воздух стал густым, вязким и тяжелым, наполненным статическим напряжением, которое заставляло волосы на руках дыбом встать. Кожу пробегали едва заметные, но отчетливые электрические разряды, будто пространство вокруг начало искрить от скрытой энергии. Что-то тяжелое и горячее начало шевелиться у меня в животе, распространяясь по всему телу волнами жара. Желание. Непреодолимое, первобытное и пугающее. Оно тлело внутри, жаждая близости, требуя, чтобы я подошла к нему и… о, боже, отдалась ему полностью, без остатка. К моему собственному ужасу и удивлению, при одной лишь мысли о нем, от прикосновения его взгляда я промокла, чувствуя влажную дрожь между ног.

В тот момент больше ничего не существовало. Не было стен, мебели, прошлого или будущего. Была лишь эта непреодолимая, всепоглощающая потребность в этом холодном, расчетливом монстре, чья сущность казалась одновременно смертельной и единственно желанной.

Я хотела крикнуть, чтобы он отвалил, или встать, выпрямиться и сказать, чтобы он оставил свои чертовы деньги себе, сохранив их для своих грязных сделок… но тело предало меня. Я не могла двигаться. Я не могла думать. Я не могла даже дышать. Воздух будто выкачали из моего тела вакуумной машиной, оставив лишь ощущение удушья. Я могла только смотреть в полном, парализующем шоке, пытаясь найти хоть каплю контроля над своим разумом.

— Я спущу это тебе, но больше никакой лжи, — пробормотал он. Его голос был низким, бархатистым, но в нем звучала сталь, не терпящая возражений.

Я почувствовала, как у меня судорожно сжались кулаки, ногти впились в ладони, но на автомате, словно марионетка, я тупо кивнула. Что, черт возьми, только что произошло? Почему я согласилась? Где моя воля?

— Готова идти?

Я снова кивнула, но так и не встала. Ноги отказывались слушаться, казалось, они превратились в ватные колодки. Я судорожно потянулась за стаканом виски, пальцы дрожали, и одним большим глотком осушила янтарную жидкость. Виски было не по мне — резкий, жгучий вкус обжигал рецепторы, заставляя морщиться, но этот физический огонь, пробежавший по горлу, был желанным. Он достиг желудка и опалил теплом мои растерянные, ошеломленные клетки, давая ложное чувство опоры. Я поставила стакан обратно с глухим стуком и обнаружила, что он все еще наблюдает за мной. В его глазах стояло холодное, почти хищное веселье, словно он наслаждался моим смятением.

— Не любишь виски, — констатировал он, не скрывая легкой усмешки.

Я нахмурилась, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Почему вы так говорите?

— Просто интуиция. — Его ответ прозвучал так же кратко и загадочно, как и все остальное в его присутствии, оставляя меня в еще большем недоумении.

Мои пальцы, дрожащие от невысказанного волнения, едва заметно коснулись пряди его волос. В этот миг что-то фундаментальное изменилось в его взгляде: поразительно светлые, почти прозрачные глаза сузились, наполняясь тяжелым, предчувствующим напряжением. Воз-

дух между нами словно густел, становясь вязким и горячим. Он медленно протянул руку, и инстинктивно я замерла, задержав дыхание, ожидая либо отторжения, либо чего-то большего.

Теплая, уверенная ладонь мягко, но властно обвилась вокруг моего предплечья. Его пальцы были сильными, но прикосновение оставалось деликатным. Он слегка повернул мою руку, разворачивая её ладонью вверх, чтобы открыть внутреннюю сторону запястья. Я опустила взгляд, следуя за его вниманием, и мое сердце пропустило удар. На нежной коже отчетливо проступали четыре синеватых отметины — узор, оставленный Владом в порыве страсти прошлой ночью. Когда он схватил меня так сильно, что кровь прилила к лицу, я даже не успела возразить. Он не был по-настоящему грубым, скорее, одержимым. Просто моя кожа была слишком чувствительной, и следы от прикосновений появлялись быстрее, чем я успевала осознать их причину. Особенно много таких синяков осталось на бедрах и их внутренней стороне, там, где его хватка была самой сильной, почти болезненной.

Наши глаза встретились снова. В этой тишине висело столько невысказанного, что слова показались бы лишним шумом. Никто из нас не произнес ни звука. Затем он медленно отпустил мою руку, словно возвращая мне свободу выбора, отступил на шаг и спокойно, с непроницаемым выражением лица, посмотрел на меня.

— Достань телефон и напиши мне свое полное имя и адрес, — произнес он низким, ровным голосом, в котором не было ни тени эмоций.

Я моргнула, сбивая с толку.

— Зачем?

— Моему адвокату понадобятся необходимые данные для составления контракта, — объяснил он, глядя на меня так, будто обсуждал погоду, а не личные подробности.

— О, хорошо, — кивнула я, пытаясь скрыть удивление.

Он продолжал пристально следить за моей реакцией, словно проверяя мою искренность или готовность выполнить приказ.

— Хотите, чтобы я сделала это прямо сейчас?

— Да.

Прекрасно. Только этого и не хватало в моей суетливой жизни. Столкнуться с немногословным мужчиной, который сразу переходит к делу, игнорируя социальные условности. Я глубоко вздохнула, словно пытаясь успокоить учащенное сердцебиение, и порылась в своей сумочке. Пальцы нащупали знакомый холод металла кармашка, и я выудила оттуда телефон. Экран загорелся, освещая мое лицо бледным светом.

Он назвал свой номер, и я быстро набрала его имя, за которым последовало мое полное имя и адрес проживания. Сообщение улетело в пустоту цифрового пространства.

— Как мне к вам обращаться? — спросила я, наконец поднимая взгляд, чтобы разорвать неловкое молчание.

— Костя, — ответил он просто, без тени улыбки или желания продолжить знакомство.

12. Ярослава

Из внутреннего кармана его безупречно скроенного пиджака раздался резкий, настойчивый сигнал телефона, нарушивший нависшую тишину. Константин не торопясь достал смартфон, бегло скользнув взглядом по экрану, и тут же положил его обратно, словно это был лишь малозначительный штрих к его вечеру. Он плавно поднялся с места, выпрямляясь во весь рост, и его глубокий, бархатистый голос прозвучал с нескрывимой усталостью, но твердостью, не терпящей возражений:

— Пойдем. У меня впереди долгая ночь.

Я мгновенно поднялась, чувствуя, как под ногами слегка покачиваются ноги от напряжения последних минут. Мы вместе направились к массивной двери, наши шаги были синхронизированы, хотя между нами сохранялась дистанция в не меньше десятка сантиметров. Эта дистанция казалась мне искусственной, навязанной, но я отчетливо чувствовала мощную, густую энергию, исходящую от его поджарого, но крепко накачанного тела. Каждый его движение был плавным, хищным и уверенным, создавая вокруг него ауру абсолютного контроля и доминирования, от которой у меня перехватывало дыхание.

Он мягко, но властно открыл дверь и придержал ее для меня жестом, полным вежливости, которая контрастировала с его внутренней силой. Я вышла в коридор, и мы молча двинулись по длинному, выложенному темным мрамором коридору, ведущему в сторону гостиной, где уже нарастал гул вечеринки. Воздух здесь был насыщен ароматами дорогих духов, табака и чего-то сладкого, напоминающего о празднике. Когда мы приблизились к источнику шума, первые гости начали появляться в проеме коридора, заглядывая внутрь, словно любопытные зрители.

У широкой арки, отделяющей коридор от гостевой зоны, я увидела, как множество голов повернулось одновременно, чтобы пристально рассмотреть нас. Взгляды скользнули по Константину, отмечая его статус и присутствие, затем переместились на меня, оценивающе и недоумевающе, и снова вернулись к нему, словно пытаясь понять динамику происходящего. Шепоток пробежал по рядам гостей, но я старалась не обращать на него внимания, концентрируясь только на пути вперед.

В этот момент мой взгляд, словно по инерции, нашел мужчину в ярко-синем костюме, который резко выделялся на фоне более сдержанных оттенков вечерних нарядов. Влад стоял у массивной колонны, прислонившись к ней плечом. В одной руке он небрежно держал бокал с напитком, а его глаза были устремлены прямо на меня. Выражение его лица было странным — смесей холодной ярости и подавленного раздражения. Было абсолютно ясно, что он не был счастлив от увиденного.

В голове всплыли воспоминания о том, в каком неописуемом восторге он был, когда ему наконец удалось заполучить это приглашение. Как он хвастался передо мной, размахивая карточкой, что там будут присутствовать самые богатые и влиятельные люди города. Он говорил о том, что поднимается по лестнице успеха, что его сочли достаточно важным и достойным, чтобы пригласить в этот закрытый клуб. Для него это было не просто мероприятие, а шаг к социальному признанию.

Что ж, его желание исполнилось в полной мере. Теперь ему представилась возможность, которая выпадает раз в жизни — шанс заявить о себе среди элиты. Но, судя по его лицу, он не рассчитывал на то, что окажется в тени другого мужчины.

Я почувствовала, как рука Константина мягко, но неотвратимо коснулась моей поясницы. Это было всего лишь легкое касание, едва заметное прикосновение пальцев сквозь ткань платья, но оно было полно глубокого, первобытного обладания. Оно говорило больше любых слов: «Твоя». Я успела заметить вспышку чистой, нефильтрованной ревности, промелькнув-

шую на лице Влада, прежде чем он с усилием скрыл ее за маской равнодушия. Должно быть, он считал, что будет держать меня долго-долго, как свою личную собственность, как трофей, который никто не имеет права трогать. А теперь меня отнял у него более крупный, более опасный хищник, чье присутствие подавляло даже его уверенность.

Я испытала огромное, почти физическое облегчение. Без вмешательства Кости одному Богу известно, как долго он держал бы меня в этой эмоциональной ловушке, как в клетке, постепенно лишая меня свободы воли. Я молча вознесла внутреннюю молитву, обращенную к высшим силам, прося защиты от нового витка их токсичных отношений.

"Пожалуйста, Боже, защити меня. Не позволь случиться тому, чтобы я попала из огня да в полымя. Сохрани меня от возвращения в этот ад."

С бесстрастным, холодным выражением лица, которое я научилась носить как второе лицо, я резко отвела глаза от Влада, обрывая любую возможную связь взглядами. Я посмотрела через его плечо на арку, которая вела в фойе дома, в ту часть пространства, где царил шум и блеск. Я твердо знала одно: я никогда больше не хочу видеть этого человека. Ни здесь, ни где-либо еще. Его присутствие стало для меня символом прошлого, от которого я наконец-то могла освободиться.

13. Ярослава

Когда мы приблизились к массивной арке, ведущей в глубь территории, к нам навстречу выступил мужчина. Влад, сопровождавший нас, представил его как хозяина этого места — человека, чье присутствие мгновенно меняло атмосферу вокруг. Тот внимательно взглянул на меня, и в его глазах на долю секунды мелькнуло искреннее удивление: он явно ожидал увидеть меня здесь с Владом, а не в сопровождении господина Романова. Однако это колебание длилось лишь микросекунду, прежде чем его лицо расплылось в широкой, вежливой улыбке, а все свое внимание он с профессиональным изяществом перевел на моего временного спутника.

— Уезжаешь так скоро? — произнес он, его голос звучал спокойно и доброжелательно.

— Я задержался гораздо дольше, чем намеревался изначально, — ответил Костя, и в его тоне прозвучала легкая, едва уловимая нотка сожаления или, возможно, иронии.

— Надеюсь, тебе все понравилось?

— Гораздо больше, чем я думал, — загадочно ответил Константин, не раскрывая полностью своих мыслей, но оставляя пространство для догадок.

Хозяин рассмеялся — тихим, понимающим смехом, который не нарушил торжественности момента.

— Рад это слышать. Возможно, скоро придешь снова.

— Увидимся в четверг в офисе, — твердо, но вежливо заключил Костя.

— Конечно. Доброй ночи.

— И тебе тоже, — официально, сдержанно произнес Константин, словно подчеркивая дистанцию между нами. Затем он повернулся и направил меня к входной двери, где на страже, подобно статуе, стоял высокий мужчина.

— У тебя есть пальто? — спросил меня Романов, его взгляд скользнул по моей фигуре, оценивая, насколько я готова к ночному холоду.

— Да, — ответила я, чувствуя, как сердце бьется чуть быстрее. Я подошла к девушке, отвечающей за гардероб, и передала ей номерок. Через мгновение она вернулась с моим старым зеленым пальто, которое казалось таким неуместным среди этой роскоши. Не успела я взять его у нее и натянуть на плечи, как Костя забрал пальто из моих рук и аккуратно помог мне одеться. Его теплые пальцы ненадолго коснулись моей шеи, и я невольно вздрогнула от этого прикосновения, которое оказалось неожиданнее самого холода.

Швейцар вежливо кивнул нам, открывая тяжелую дверь, и порыв холодного ветра накинулся на нас, когда мы вышли в ночь. Воздух был пронзительно свежим, пахнущим осенней листвой и сырой землей.

Мы начали спускаться по широким ступеням, и из длинного черного лимузина, припаркованного прямо перед нами, вышел мужчина. Он вежливо кивнул Константину, подтверждая, что это его шофер. Влад припарковался дальше по подъездной дорожке, в стороне, но, похоже, Константину Романову была оказана особая честь — парковаться прямо у входа, символизируя его статус и значимость в этом месте.

— Домой, Алексей, — коротко, но властно распорядился Константин, не повышая голоса, но так, что каждое слово было отчетливо слышно.

Лёша, шофер, был худощавым мужчиной лет пятидесяти или, может, даже шестидесяти. Со стоическим, отстраненным выражением лица, не выдающим никаких эмоций, он подошел, чтобы придержать для меня дверь. Внутри меня ждал салон из совершенно новой, роскошной черной кожи, которая источала запах денег и безупречного сервиса.

На мгновение я замешкалась, стоя на пороге этой новой реальности.

После этого пути назад не будет. Больше не будет прежней жизни, прежних правил. Я повернулась и посмотрела на Костю. В свете уличных фонарей он выглядел почти зловеще,

шрам на его лице казался мертвенно-бледным, контрастируя с темнотой ночи. И все же тот жар, то неопознанное, тревожное чувство, которое шипело в холодном воздухе между нами, было ощутимо физически. Он не Влад. С ним я никогда не ощущала ничего подобного — ни страха, ни притяжения, ни той невыносимой тяжести присутствия, которая сейчас обволакивала меня, как туман.

Этот мужчина был ледяной статуей, вырезанной из мрака и равнодушия. В его глазах не теплилось ни искры тепла, ни тени сочувствия — лишь холодная, расчетливая пустота. Для него я была не более чем временной игрушкой, развлечением, которое можно без колебаний выбросить в мусор, как только оно потеряет блеск или надоест. Его желания были поверхностны, а его интерес — преходящ. Но для меня всё было совершенно иначе. То, что я испытывала к нему, не имело аналогов в моей жизни. Это было похоже ни на что: ни на страсть, ни на любовь, ни на привычку. Это было что-то глубокое, пугающее и всепоглощающее, что заставляло мое сердце биться в ритме тревоги.

Внезапно по позвоночнику, словно живая змея, пробежал холодный палец страха. Он обжег меня изнутри, заставив застыть на месте. Некий древний, первобытный инстинкт кричал в моей голове, требуя одного действия: бежать. Сейчас. Пока еще оставалось время, пока еще можно было избежать неизбежного. Потому что этот мужчина, Сальваторе, был не просто опасен — он был разрушителен. Он сломает меня, разобьет мою душу на мелкие осколки, и я уже никогда не соберу себя прежней. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела.

И тут, среди нарастающей паники, в моем сознании вспыхнул яркий, пронзительный образ отца. Я увидела его таким, каким помнила последние дни его жизни: облысевшим после жестокой химиотерапии, постаревшим на десятилетия, бледным, как полотно. Его руки безвольно лежали по бокам, словно переставшие слушаться, но на губах играла та самая храбрая, успокаивающая улыбка, которой он всегда старался защитить меня от страха смерти. Я знала, что он хочет сказать мне что-то важное, что его слова были последним даром. Поэтому я наклонилась ближе, к его бескровным, дрожащим губам, чтобы поймать каждый шепот.

— Не беспокойся обо мне, — прошептал он мне прямо на ухо, его голос был тихим, но твердым, чтобы моя мачеха, стоявшая неподвижно у двери и наблюдавшая за нами с холодным интересом, не услышала ни звука. — Я иду туда, где мне самое место: к твоей маме. Там меня ждут.

— Нет, папочка, — сдавленно прошептала я ему в ответ, чувствуя, как ком комкается в горле, а на глаза навязчиво наверываются горячие слезы. — Тебе еще не время уходить. Мама может подождать тебя еще немного. Пожалуйста, не оставляй меня сейчас, не бросай одну.

В тот миг, глядя в угасающие глаза отца, я приняла решение, которое изменило всю мою жизнь. Я решила, что сделаю всё, что в моих силах, чтобы удержать его на этой земле, несмотря ни на что, несмотря на законы природы и медицины. И я сдержала слово. Я сделала всё возможное. И ни о чем не жалею. Ни секунды.

Ради тебя, папа, я бы повторила всё это снова. Абсолютно всё. Даже те невыносимо долгие, тягучие ночи с Владом, когда я, вся покрытая синяками и ссадинами, чувствовала себя изнасилованной. Не потому что он причинил мне боль физически, а потому что он пытался и пытался, не в силах завершить акт, будучи чертовски обдолбанным наркотиками. Эта бессильная ярость, это ощущение беспомощности перед лицом чужой, искаженной воли — всё это стало ценой за то, чтобы остаться рядом с тобой.

Теперь же было легко, почти машинально, скользнуть в салон автомобиля. Звук закрывающейся двери прозвучал как тихий, фатальный щелчок, решивший мою судьбу. Он был глухим и окончательным.

Секундой позже Костя присоединился ко мне на мягком кожаном сиденье. Я повернулась к нему. В полумраке салона, где играли лишь отблески уличных фонарей, он казался еще более отчужденным, неприступным и непонятным. Его лицо было скрыто тенями, а взгляд —

недоступен. Водитель молча занял свое место за рулем, и машина плавно тронулась с места, увозя нас в неизвестность. Почти сразу я заметила в зеркалах заднего вида две другие машины, ехавшие в нашем хвосте. Одна шла строго спереди, отсекая путь к отступлению, другая — сзади, прикрывая тылы. Мы были в ловушке, но это была ловушка, которую мы создали сами.

— Можешь занять себя в течение следующего часа? — спросил Костя. Его голос был ровным, лишенным эмоций, но в нем звучала та же сталь, что и в его взгляде. Вопрос висел в воздухе, ожидая ответа, который мог стать последним шагом в новую, неизведанную реальность.

— Конечно, — ответила я, и мой голос прозвучал так, будто он был вырезан из сухого, старого дерева: ровным, лишенным эмоций и холодным. Внутри меня всё сжалось в тугой узел, но я постаралась сохранить внешнее спокойствие, не подавая вида, как сильно бьется мое сердце.

Он молча открыл ноутбук, экран которого вспыхнул ярким, неестественным светом в полумраке салона, но я тут же отвернулась от него, боясь встретить его взгляд. Вместо этого я уткнулась лбом в прохладное стекло окна и уставилась на мелькающий за ним мир. Машина выехала из шумного центра города, и я наблюдала, как знакомая урбанистическая суета медленно отступает, уступая место чему-то более спокойному и величественному. Высокие офисные здания плавно перетекали в рядовые жилые дома, которые, в свою очередь, растворялись в густой зелени парков, пока наконец не сменились бескрайними лесными массивами и холмистой сельской местностью. Воздух за окном стал чище, тише, но от этого становилось только тревожнее.

Затем, наконец, мы подъехали к массивным черным воротам, которые стояли как неприступная стена. На высоких каменных столбах, покрытых мхом и следами времени, возвышались статуи черных львов. Они были отлиты из бронзы или темного камня, их глаза казались живыми в сумерках, а мощные лапы вцепились в основание, словно охраняя тайну, скрытую за ними. Их каменные пасти были слегка приоткрыты в вечном рыке, предупреждая любого непрошеного гостя о том, что здесь не принято появляться без приглашения.

Конечно, это был его дом. Торинггтон-холл — одно из тех мест, имена которых шепчут с благоговейным страхом и завистью в самых высоких кругах Бостона. Это не просто особняк, это легенда, застывшая в камне и дереве. Когда-то, много веков назад, он стоял в самом сердце Англии, дыша историей каждого своего кирпича. Но время шло, и один американский миллиардер, одержимый идеей владения чем-то по-настоящему уникальным и вечным, влюбился в его архитектуру так сильно, что решил не просто купить его, а перенести на другой конец света.

Процесс этот был безумным и невероятно дорогим. Каждый блок известняка, каждый кусочек черепицы, каждая дубовая панель с уникальным узором и мраморная плита были тщательно пронумерованы, разобраны по винтику, перевезены через океан и затем с ювелирной точностью собраны заново на территории огромного поместья, которое магнат приобрел в тихой сельской местности. Это была не реконструкция, а именно переселение души здания. Особняк стал символом его власти и вкуса, но также и предметом сплетен.

Дом попал в заголовки газет и журналов два года назад, когда миллиардер, которому он принадлежал, внезапно продал его за шестьдесят два миллиона долларов оффшорной компании с неизвестным адресом. Никто не знал, кто теперь стоит за этими черными воротами и черными львами, но слухи о том, что это лишь промежуточный этап для более крупной сделки, ходили упорные и настойчивые. И вот теперь я сидела в машине, которая медленно въезжала на эту территорию, чувствуя, как реальность становится все более сюрреалистичной, а моя старая жизнь — всё более далеким воспоминанием.

14. Ярослава

Это кажется невероятным, почти абсурдным, но когда-то давно я была настолько поглощена этим местом, что оно проникло в самое подсознание. Мне снилось, будто я навсегда поселилась внутри этих стен. В своих снах я не просто гостем, а настоящей Белль из «Красавицы и Чудовища», застывшей в вечности величественной столовой с уходящими в небо высокими потолками. Я восседала одна за бесконечно длинным обеденным столом, который был накрыт с безупречной элегантностью ровно на двоих. Комнату наполняло мягкое, теплое мерцание множества свечей, установленных в несметном количестве подсвечников и массивных канделябрах, расставленных по всему периметру так, чтобы ни один уголок не остался во тьме. Я была одета в длинное белое платье из тяжелого шелка, а мои волосы были собраны в сложную, старомодную прическу, словно я перенеслась на столетия назад, в эпоху, когда время текло иначе.

Я знала наверняка: я жду Чудовище.

Я уже слышала, как его тяжелые, размеренные шаги гремят по коридорам дома, заставляя даже каменный пол дрожать от предчувствия. Во сне этот звук не вызывал ужаса; напротив, он казался знакомым и неизбежным. Я спокойно поднялась со своего места, поправила складки платья и повернулась ко входу в эту прекрасную, залитую светом комнату. Когда шаги приблизилось, сами огромные двойные двери начали вибрировать от тяжести приближающейся фигуры.

Как только позолоченная ручка медленно повернулась, я внезапно открыла глаза.

И вот… я здесь.

Поверить в то, что я стою в доме своей мечты, было по-настоящему сложно, пока лимузин не обогнул незабываемый, массивный фонтан со львами, пускающими струю воды из каменных пасти, и не остановился перед широкими известняковыми ступенями, ведущими к главному входу.

Мои руки слегка дрожали, когда водитель поднялся со своего места и подошел к моей стороне, чтобы открыть дверцу. Его лицо оставалось абсолютно неподвижным, лишенным каких-либо эмоций, а глаза избегали встречи с моими, устремленные куда-то в пустоту или на дорогу. И все же я отчетливо чувствовала исходящее от него тяжелое, непроницаемое осуждение. Я прибыла сюда не как равная, а лишь для развлечения его хозяина. Обычная шлюха, купленная за большие деньги.

Когда я вышла из машины, поднялся резкий зимний ночной ветерок, и я почувствовала, как холод пробирает меня до самых костей, заставляя содрогнуться. В моем старом пальто не было карманов, куда я могла бы спрятать дрожащие руки, поэтому я скрестила их за спиной и молча следовала за Костей. Каждый шаг давался с трудом, но я благоговела перед окружением, пытаясь осознать колоссальное богатство, которое требовалось для содержания такого места. Это было богатство не просто денег, а власти, истории и холодного величия, превосходящее все, что мне когда-либо доводилось видеть.

Особняк возвышался передо мной, словно монументальное произведение искусства, выхолощенное из ночной тьмы и щедро озаренное искусственным светом. Освещение было не просто ярким, а продуманным до мелочей: лучи мягкого, теплого света исходили от скрытых в ландшафте фонарей, которые то тут, то там прятались среди густых, ухоженных кустарников и вековых деревьев, создавая вокруг здания ореол таинственности и благополучия. Каждая ступенька входной лестницы казалась отполированной временем, а воздух был пропитан запахом дорогого лака, старых книг и чего-то неуловимо холодного, напоминающего о бездне.

Поднимаясь вверх, я инстинктивно прищурилась от контраста между темнотой сада и ярким светом у входа. Мой взгляд зацепился за массивный дверной молоток — тяжелый, литой, выкованный в форме львиной головы с открытой пастью и острыми клыками. Эта деталь, казалось, символизировала не гостеприимство, а предупреждение: вход сюда разрешен лишь избранным, способным выдержать тяжесть этого порога. По обе стороны от массивных дубовых дверей, обитых кожей, горели старинные лампы в бронзовых подсвечниках, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Никакого электрического звонка, никаких кнопок — только тишина и ожидание. Я мысленно кивнула: это было логично. Если ты не прошел проверку у ворот, ты не имеешь права приближаться к этой двери. Здесь ценилась не скорость, а статус.

Через несколько секунд, показавшихся вечностью, тяжелые двери с глухим скрипом распахнулись внутрь, скрываясь в глубине прихожей. На пороге возникла женщина. Ее униформа была безупречна: темно-синий цвет, строгий крой, отсутствие лишних деталей. В темных волосах, собранных в плотный, аккуратный шиньон, уже пробивалась солидная седина, придающая ее облику вес и авторитет. У нее было круглое, доброе на первый взгляд лицо и пышная, статная фигура, но эти черты обманчивы. Ее взгляд, брошенный на меня через очки в тонкой круглой оправе, был острым, оценивающим и пронизывающим, вызывая у меня непроизвольный озноб. В этих глазах не было ни любопытства, ни приветствия — только холодное, бесстрастное осуждение.

Она сделала шаг назад, освобождая проход, жестом, который одновременно был и приглашением, и приказом.

— Рената, это Ярослава. Она пробудет здесь месяц. Посели ее в Розовой комнате, — произнес Костя. Его голос звучал ровно, без эмоций, словно он отдавал распоряжение относительно перемещения багажа, а не живого человека.

— Да, господин Романов, — ответила она мгновенно, склонив голову в глубоком, почти земном поклоне. В ее позе читалось абсолютное подчинение и уважение к власти, которой обладал мужчина позади меня.

Не сказав больше ни слова, не бросив на меня даже косвенного взгляда, Костя развернулся и ушел, растворяясь в полумраке дома. Я осталась стоять посреди гигантского фойе, которое казалось бесконечным благодаря высокому потолку и мраморным колоннам. Воздух здесь был густым и тяжелым. Рената, женщина в униформе, явно не скрывала своего недовольства моим присутствием.

— Следуйте за мной, — холодно бросила она, не дожидаясь ответа, и быстро пошла прочь, ее шаги четко отбивались эхом по каменному полу.

Горло внезапно сжалось от нахлынувших эмоций, словно кто-то сжал его в тисках. Какая-то маленькая, скрытая часть моей души тайно знала и признавала ту цену, которую я заплатила, чтобы оказаться здесь. Я чувствовала, как меня оценивают, как меня меряют взглядом, но я проглотила ком отчаяния в самом корне. Ну и что? Пусть она, пусть водитель, пусть все эти люди думают, что я шлюха, что я продажная. Их осуждение, их шепот за спиной ничего не меняло в реальности. Они ничего не знали о моих обстоятельствах, о том, что стоит за моей спиной, о долге, который я должна выполнить. Я делала это ради отца. Ради его жизни, его здоровья, его будущего. И ничто из того, что кто-либо говорил или делал, не могло изменить мое твердое решение или заставить меня почувствовать, что я поступаю неправильно. Это была моя жертва, и я приняла ее с достоинством.

Я быстро догнала Ренату, преодолевая дистанцию короткими, решительными шагами. Мы прошли по широким коридорам, которые вели меня все глубже в недра дома. Стены были украшены мраморными статуями античных богов и богинь, чьи лица были искажены временем или намеренно скрыты в тенях. Вдоль стен висели огромные, пугающие, темные картины — пейзажи бурных морей, мрачные портреты предков, абстрактные композиции, от которых становилось не по себе. Каждая картина казалась живым существом, наблюдающим за нами.

Мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице, каждый ступень которой казался нестабильным под ногами, и прошли по узкому, зловещему коридору. Освещение здесь было столь скудным и тусклым, что тени казались живыми, скрываясь в углах, и я, спотыкаясь, зацепилась каблуком туфли за неровный край старого ковра.

Услышав мой тихий, испуганный «ох», женщина резко остановилась и обернулась. Ее взгляд был холодным и проницательным, словно она могла видеть мою душу насквозь.

— Простите, — прошептала я, чувствуя, как краска стыда поднимается к щекам.

Я не была по натуре робкой девушкой, но атмосфера этого места давила. Случившееся этой ночью, странная и тревожная встреча с Костей, этот пугающий, словно живой организм, дом и ее суровое, осуждающее неодобрение — все это сплелось в клубок тревоги, заставивший меня чувствовать себя уязвимой и неуверенной.

Она молча развернулась и продолжила свой путь, не дожидаясь моей реакции. Внезапно она остановилась у другой двери, которая, казалось, никогда раньше не была открыта. Щелчок замка прозвучал громко в тишине, и, к моему глубокому удивлению, мы оказались в величественной, парадной части дома. Воздух здесь пах иначе — дорогими ароматами и стариной. На полпути по широкому коридору, стены которого были украшены картинами, а пол выложен мрамором, она повернула массивную ручку одной из дверей и открыла ее, жестом приглашая войти.

Я проследовала за ней в совершенно потрясающую комнату и с благоговением огляделась вокруг. Изысканные обои с тонким узором, чудесная огромная кровать, усыпанная белоснежными, пуховыми подушками, сказочные окна, через которые лился мягкий свет, и великолепные бархатные занавески цвета бордо — всё это создавало атмосферу сказки. Комната была почти волшебной. В детстве, живя в крошечном, тесном доме, я читала сказки о принцессах и всегда мечтала увидеть такие комнаты во сне наяву, представляя себя героиней, попавшей в замок.

— Это будет вашей комнатой, — механически, без тени эмоций объявила она, словно зачитывая инструкцию.

Я повернулась, чтобы посмотреть на ее непроницаемое, неулыбчивое лицо, и тут меня осенило: она намеренно провела меня через мрачные, запутанные помещения для прислуги, чтобы продемонстрировать разницу, чтобы показать, насколько низко я стою в этой иерархии, и напомнить о моем новом, подчиненном статусе.

— Сюда, — позвала она уже более твердым тоном и направилась к ванной комнате, отделанной нежным розовым мрамором. На высоком пьедестале стояла роскошная ванна на резных львиных лапах. Я влюбилась в нее с первого взгляда, забыв обо всем на свете, и едва обращала внимание на женщину, которая монотонно объясняла, как работают душ и краны ванны, словно читая лекцию по технической эксплуатации.

— Гардеробная вон там, — сказала она, указывая пальцем на массивную дверь. Затем повернулась и направилась обратно в спальню, оставляя меня одну в этом великолепии.

Я последовала за ней, чувствуя, как реальность медленно оседает вокруг меня, принимая новые, странные формы.

15. Ярослава

Посреди просторной комнаты, наполненной приглушенным светом ночников и запахом дорогого лавандового диффузора, она резко остановилась. Ее фигура застыла в полумраке, и она медленно, с достоинством поворота головы, обратилась ко мне. Ее взгляд был спокойным, но в нем читалась строгая вежливость человека, привыкшего контролировать ситуацию.

— Звонок для прислуги, если вам что-нибудь понадобится, — ее голос был мягким, но четким, каждое слово оттачивалось с профессиональной точностью. Она указала тонкой рукой на изящный латунный звонок, встроенный в деревянную панель стены у изголовья кровати. — Нажмите его, и к вам кто-нибудь придет незамедлительно. Либо вы можете поднять трубку стационарного телефона и набрать цифру 9. Это прямой номер службы сервиса.

Она сделала небольшую паузу, позволяя информации осесть в моем сознании.

— Можете заказать завтрак. Его вам принесут прямо сюда, в спальню, либо в Солнечную комнату, если вы предпочитаете поесть при дневном свете. Если требуется полноценный, многоступенчатый завтрак с выбором блюд из меню, просьба сообщить об этом за полчаса до желаемого времени подачи, чтобы наши повара успели подготовить все необходимое. Ужин подается строго в восемь вечера. Обратите внимание: одежда должна быть официальной, вечерней. Если больше ничего не нужно, желаю вам спокойной ночи и приятных сновидений.

— Больше ничего не нужно, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и уверенно, хотя внутри всё сжималось от предчувствия.

Она кивнула, еще раз скользнув по комнате оценивающим взглядом, и вышла. Тяжелая дубовая дверь закрылась с тихим, почти невесомым щелчком замка.

Когда дверь окончательно закрылась, напряжение в теле, которое я даже не замечала, пока она была здесь, спало. Я позволила себе выдохнуть. Подошла к кровати, которая казалась огромной и неприступной, и села на ее край. Матрас мягко прогнулся под весом моего тела. Палец невольно коснулся богатого дамасского покрывала, устланного поверх постели. Ткань была прохладной на ощупь, гладкой и шелковистой, словно вода, текущая сквозь пальцы. Она казалась реальной, осязаемой, но… в состоянии шока и полного неверия я огляделась вокруг. Неужели это действительно происходило со мной? Эта роскошь, этот воздух, эта тишина… Похоже на сон. Абсолютно фантастично, недостижимо.

Я встала, чувствуя легкую головокружительность, и подошла к высоким, арочным окнам, занавешенным тяжелыми портьерами.

Они выходили на фасад дома. Внизу, среди теней, виднелся каменный фонтан со скульптурами львов, чьи пасти были направлены в небо, и ряд античных фонарей, мягко освещавших подъездную дорожку, усыпанную гравием. Но большую часть территории поместья окутывала густая, бархатная ночная тьма, скрывая границы владений. Я подняла лицо к небу и обнаружила, что оно полно мерцающих звезд, ясных и ярких, как бриллианты на черном бархате.

Несмотря на холодную погоду, которая пробирала до костей через стекло, я взялась за ручку окна и с усилием открыла его. Холодный воздух ударил в лицо, свежий и влажный. На секунду я почувствовала себя заколдованной принцессей из старой сказки, заточенной в башне, но окруженной волшебством. И только на этот мимолетный миг я забыла о своей сущности, о том, кем я стала, о том, что я — купленная женщина, чья судьба теперь принадлежит другим.

Затем тишину зачарованного воздуха разорвал громоподобный рев двигателя. Это был звук высококлассного спортивного автомобиля, который, казалось, рвал ночную тишину на части. В конце длинной подъездной дорожки появились ослепительные лучи фар, режущие темноту. Я инстинктивно отпрянула назад, мое сердце пропустило удар, и я спряталась за тяжелой занавеской, словно ребенок, прячущийся от грозы.

Чёрный «Ламборгини» с визгом тормозов, нарушающим покой ночи, остановился перед каменными ступенями у входа. Дверь водителя с характерным для суперкаров верхним взмахом открылась, и из машины полилась громкая, басовитая рэп-музыка, эхом разносясь по двору. Оттуда выскочил лысеющий, дородный мужчина. Он был одет в расстегнутую голубую рубашку с короткими рукавами, а яркий, пестрый свитер был небрежно накинут на плечи, как это иногда делают мужчины со Средиземноморья, пренебрегающие формальностями ради комфорта. В руке он держал большой, плотный конверт, который явно что-то весил. Он проворно, несмотря на свои габариты, взбежал по каменным ступеням, не обращая внимания на шум, и исчез из поля зрения, скрывшись в глубине дома, оставляя после себя лишь эхо заглушенного мотора и ощущение вторжения чужой, грубой реальности в этот сказочный мир.

Я не могла разглядеть черты лица женщины сквозь густо затемненные стекла, которые словно барьер отделяли ее от внешнего мира, но силуэт был отчетлив и пугающе ясен: в автомобиле сидела молодая девушка с пышной, волнующейся гривой рыжих волос, которые тускло, почти призрачно поблескивали в полумраке салона. Ее руки, расслабленно лежащие на кожаном руле, казались unnaturally бледными, почти прозрачными на фоне темного интерьера, словно кровь покинула их вместе с последней искрой надежды, оставив лишь восковую мертвенность. Я наблюдала, гипнотизируемая этой сценой, как ее пальцы неуверенно, но настойчиво переключают каналы на стереосистеме, щелчки кнопок звучали слишком громко в ночной тишине. Она пыталась заглушить навязчивое молчание или, возможно, отчаянно искала какую-то мелодию, способную изменить тяжелую атмосферу, наполненную немой тревогой. Наконец, с тихим щелчком она опустила солнцезащитный козырек с зеркальцем, достала из косметички помаду и начала тщательно, почти ритуально подкрашивать губы, нанося цвет с сосредоточенностью человека, собирающегося на важное свидание или, скорее, на прощание. Каждое движение было наполнено скрытым напряжением, добавляя ей смелости перед чем-то неизбежным, чего она, казалось, уже ждала. Затем она внимательно осмотрела свои ногти, покрутила ими при холодном свете приборной панели, словно оценивая их состояние перед финальным актом, и только после этого достала из сумочки небольшой тюбик увлажняющего крема. Она медленно, с видимым, почти болезненным удовольствием, втирала крем в свои сухие, потрескавшиеся руки, изолируя себя от внешнего мира этим простым, заземляющим действием, которое служило последним убежищем от надвигающегося хаоса.

Внезапно мужчина появился снова, словно тень, материализовавшаяся из темноты. Дверца машины с характерным металлическим лязгом, звучавшим как приговор, распахнулась наружу. В салон хлынул резкий, влажный ночной воздух, смешанный с запахом сырой земли и выхлопов, и тут же зазвучала громкая поп-музыка, чьи ритмы агрессивно вторгались в ночную тишину, нарушая хрупкое равновесие момента. Он сел за руль, бросив быстрый, оценивающий взгляд на женщину, в котором не было ни тепла, ни сострадания, лишь холодная решимость. Автомобиль с громким ревом двигателя рванул с места, шины скрипнули по асфальту, оставляя после себя клубы едких выхлопных газов, которые окутали улицу серым туманом. Я замерла на месте, чувствуя, как холод, который я раньше игнорировала, пытаясь обмануть свое тело, теперь пронизывает меня до самых костей, заставляя сжаться внутренности. Меня начала бить сильная, неконтролируемая дрожь, заставляя зубы стучать друг о друга в ритме нарастающего ужаса. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть из груди. Я медленно, почти механически подошла к окну и плотно закрыла его, отрезая себя от улицы, от этого кошмара, который разыгрывался за стеклом, затем направилась к кровати. Села на край, свесив ноги, и стала ждать. Вокруг сердца, словно стальными когтями хищной птицы, сжалась невыносимая тоска и предчувствие беды, тяжелое и неотвратимое, как каменный глыба. Долго мне ждать не пришлось.

16. Константин

Я рывком распахнул дверь в ее комнату, словно пытаясь разорвать последнюю нить терпения, которая связывала меня с внешним миром. В помещении стояла леденящая тишина и такая пронизывающая холодность, что у меня перехватило дыхание, стоило лишь переступить порог. Единственным островком тепла и света в этой полумрачной пустоте служила тусклая лампа с абажуром у изголовья кровати, отбрасывающая мягкие, искаженные тени на стены.

Она сидела на самом краешке матраса, не меняя позы. На ней было то же белое платье, что и на вечеринке — легкое, воздушное, едва скрывающее очертания фигуры. Ткань казалась почти прозрачной в полумраке. В приглушенном желтом свете лампы ее светлые волосы превратились в струящееся золото, мерцая с такой интенсивностью, что от этого сияния болели глаза. Она казалась неестественно неподвижной, застывшей в моменте, словно фарфоровая кукла или видение из другого измерения. В этом ее совершенстве было что-то пугающее, почти нереальное. Я чувствовал себя отяжелевшим от вины и греха, словно я, демон соблазнитель, заманил ничего не подозревающего ангела в свое логово, чтобы испортить его чистоту своими руками.

Дверь с глухим стуком захлопнулась за моей спиной. Я прислонился к ней спиной, чувствуя, как тяжелая деревянная поверхность смягчает дрожь в ногах. Мы уставились друг на друга, и в этой немой схватке взглядов я почувствовал, как по моим венам начинает медленно, но верно разливаться густая, горячая похоть. Я не мог вспомнить, когда в последний раз испытывал такое чистое, первобытное, интуитивное и абсолютно неконтролируемое вожделение к женщине. Это было не просто желание тела; это было магнетическое притяжение, которое отталкивало разум и подчиняло волю.

Меня завораживал тот эффект, который она на меня производила. Дело не только в ее безупречной красоте, хотя она была ослепительна. В ней было что-то еще… таинственное, недосказанное, чего я не мог понять разумом. С первого мгновения, когда я заметил, как она удаляется к беседке, еще до того, как смог хорошенько разглядеть черты ее лица, мое внимание было жестко приковано к ней, словно магнитом. Я наблюдал за каждым ее движением, каждая ее секунда стала важной и ценной в моих глазах.

Да, я откровенно хотел услышать ее крик. Я мечтал о том моменте, когда смогу перевести ее за грань здравомыслия, когда она начнет дрожать и содрогаться от охватившей ее бури удовольствия, потеряв контроль над собой. Но здесь было нечто гораздо большее, чем просто сексуальное удовлетворение. Я уже попал в ловушку, в ту же самую, в которую когда-то угодил Влад. Желание удержать ее, сделать своей на долгое, очень долгое время, становилось все сильнее, заглушая голос разума.

Я резко отогнал эту мысль, заставляя себя дышать ровно. Это походило на классическую ситуацию с мотыльком, который безрассудно летит на пламя, зная, что может сгореть, но не в силах остановиться. Нет, она пробудет здесь ровно месяц и ни дня дольше. Это было жесткое, невыполнимое для моего сердца условие, но необходимое для выживания. И в чем бы ни заключались ее чары, к тому времени они должны полностью развеяться, оставив лишь воспоминание, которое можно будет забыть.

Я оттолкнулся от двери, преодолевая внутреннее сопротивление, и направился к ней. Мои шаги были тихими, но уверенными. Остановившись в паре футов от нее, я протянул тонкую стопку бумаг, которую держал в левой руке, словно оружие или щит в этой немой битве. Она молча подняла руку и взяла документы, ее пальцы ненадолго коснулись моих. Холодок пробежал по коже, но я не отстранился. Она взглянула на страницы, и в ее глазах мелькнуло понимание.

— О, контракт… и соглашение о неразглашении. Так быстро, — пробормотала она, и в ее голосе звучала легкая, неуловимая ирония, смешанная с недоумением.

Я поправил манжет рубашки, стараясь сохранить каменное выражение лица, хотя внутри все кипело.

— Да, попросил адвоката составить их, пока мы ехали сюда. Это довольно стандартная процедура для моих дел, — ответил я сухим, ровным тоном, пытаясь скрыть ту трещину в моей броні, которая уже появилась.

— У вас есть ручка? — Ее голос был тихим, еле слышным, словно шелест сухих листьев под ногами. В каждом слоге звучала покорность, какая-то сломленная усталость, которая мгновенно вызвала во мне резкую, неприятную реакцию.

Это меня разозлило. Честно говоря, эта злость была внезапной и горячей, словно вспышка молнии в ясном небе. Я не хотел, чтобы она была кроткой, покорной, побежденной жизнью. В ее мягкости я видел слабость, которую ненавидел больше всего на свете. Я хотел видеть в ней дикую, несгибаемую натуру, способную бросить вызов даже мне. Мне нужна была сила, а не эта хрупкая кукла, готовая разбиться от первого прикосновения.

— Разве ты не хочешь сначала прочитать? — мой голос прозвучал ниже обычного, в нем зазвенела сталь. Я ждал хоть какой-то защиты, хоть искры интереса, но получил лишь пустоту.

— Не очень. — Ответ прозвучал без энтузиазма, словно она произносила его через силу, чтобы просто поскорее закончить этот неловкий диалог.

Я нахмурился, чувствуя, как напряжение сжимает мышцы челюсти. Вспомнилось лицо Влада, того самого человека, который когда-то держал ее в своих лапах. Его манипуляции, его ложь, его умение играть на чувствах слабых.

— Неужели ты не вынесла никакого урока из своих отношений с Владом? — я сделал паузу, позволяя весу своих слов давить на нее. — Прочти контракт. Он всего лишь на страницу. Там нет скрытых пунктов, нет ловушек, как в тех соглашениях, которые ты подписывала раньше. С соглашением о неразглашении можешь ознакомиться завтра, когда успокоишься. Но сейчас — просто прочти.

Она молчала несколько секунд, глядя в пол, а затем кивнула, едва заметно:

— Хорошо.

Я достал из кармана дорогой кожаный чехол, вынул тяжелую металлическую ручку и протянул ей. Движения были четкими, уверенными. Затем я направился к массивному бархатному креслу, стоявшему напротив кровати, и устроился в нем, скрестив ноги. Позиция была расслабленной, но спина держалась прямо, готовые к любому развитию событий.

Пока она просматривала контракт, в комнате воцарилась густая, звенящая тишина. Слышно было лишь тихое шуршание бумаги и ровное дыхание.

В моем прошлом не было такого времени, когда я бы сидел и бездельничал, наблюдая, как кто-то читает скучные юридические бумаги. Меня бы чертовски это наскучило до смерти, я бы предпочел сотню других занятий. Но я не мог оторвать от нее взгляда. Мои глаза были прикованы к ее лицу, к движению пальцев по строкам. Казалось, она не совсем понимала смысл написанного. Она просто позволяла случайным словам осесть у нее в голове, не пытаясь анализировать или искать подвох. Эта пассивность одновременно раздражала и завораживала.

Она тихо выдохнула, и этот звук казался громким в тишине комнаты. Положив документы на колени, она на мгновение замерла, а затем сняла колпачок с ручки. Звук щелчка был отчетливым. Она начала подписывать, ставить даты и вносить свой адрес во все места, где это требовалось. Каждый удар пера по бумаге казался точкой невозврата.

Тихое, но мощное возбуждение пробежало по моим венам, заставляя кровь приливать к голове. Это было не просто удовлетворение от выполненной задачи. Это было чувство обла-

дания. Теперь она стала моей. Юридически, формально, но главное — в моем сознании эта связь стала неразрывной.

Закончив, девушка осторожно положила подписанные бумаги на кровать рядом с собой, словно боясь их испачкать, и подняла на меня глаза. В ее взгляде не было страха, только усталое ожидание.

— Распусти волосы, — приказал я. Голос прозвучал твердо, не терпящим возражений.

Она подняла руки, вынимая невидимые заколки, удерживавшие ее волосы в тугой пучок. Когда последние пряди освободились, я снова увидел уродливые синяки, которые оставил на ее коже двуличный мошенник. Они контрастировали с ее бледной кожей, пестря фиолетово-желтыми пятнами на шее и плечах.

Это меня разозлило. Злость была слепой, животной, она заставила меня сжать кулаки так, что ногти впились в ладони. Я с любопытством, почти холодным, изучал эту эмоцию. Странно, но гнев не был той эмоцией, которая ассоциировалась у меня с женщинами. В моем опыте они вызывали другие чувства: интерес, презрение, желание доминировать. Но никогда такого глубокого, личного возмущения.

На самом деле, кроме глубоких, почти священных чувств, которые я испытывал к своей матери — единственной женщине, которая когда-либо заслуживала моего уважения, — я никогда ничего не испытывал к женскому полу. Чувства были плоскими, поверхностными. Кроме похоти, конечно. Похоть была простой, понятной и удовлетворимой. Но то, что я чувствовал сейчас, глядя на эти синяки, было чем-то иным. Это было собственничество. Это было желание уничтожить того, кто посмел коснуться *моего*.

В этот момент блестящие светлые волосы каскадом ниспадали ей на плечи и спину, скрывая часть синяков, но не меняя сути увиденного. Волосы были идеальными, мягкими, словно шелк. От ее красоты, от этой хрупкой, но живой жизни, которая теперь принадлежала мне, у меня перехватило дыхание. Мир вокруг сузился до размеров этой комнаты, этого кресла и ее фигуры на кровати. Больше ничего не существовало.

17. Константин

— Хорошо. А теперь раздевайся.

Голос прозвучал холодно, отрывисто, без тени сомнения или колебаний. Ее пронзительные голубые глаза встретились с моими, и в этот миг время словно замерло. То, что я увидел в их глубине — смесь унизительной покорности, тлеющей, как тлеющие угли, ненависти и отчаяния, — дало мощный, почти физический толчок моему либидо. Я был опытным человеком; привык к женской робости, к кокетливой игре, к искусственному стремлению понравиться, а иногда и к тихому, подавленному страху у женщин, которых я брал в постель. Но никогда, ни разу до этого момента, я не сталкивался с такой чистой, концентрированной покорностью, подпитываемой внутренней яростью. Это было пикантнее любого заранее согласованного фетиша.

— Ты передумала, Яра? — усмехнулся я, поднимая бровь. Мой тон был насмешливым, но внутри я знал, что она не сделает ничего подобного. Она стояла на краю пропасти. Она так отчаянно хотела спасти своего отца, вырвать его из-под власти Владислава, что была готова продать себя даже самому Шейлоку (прим.: Шейлок — один из главных персонажей пьесы У. Шекспира «Венецианский купец», еврей-ростовщик, символ жестокости и бескомпромиссности). В ее глазах читалась готовность на любую жертву, лишь бы только цена была оплачена.

Она не сказала ни слова. Ответом была лишь тишина, нарушаемая лишь тихим дыханием. Она не отвела взгляда, но и не попыталась встать, оставаясь сидеть на краю кровати. Медленно, с видимым усилием воли, она просунула руку под тонкую бретельку своего белого платья и позволила ей соскользнуть с хрупкого плеча. Она пыталась раздеться максимально несексуально, стараясь придать движениям механическую, безэмоциональную окраску, словно выполняла рутинную работу. Но у нее ничего не получилось. Ничто из ее действий не могло быть воспринято иначе, чем эротичное. Каждое ее движение, каждый нервный вздох выдавал внутреннее напряжение.

Далее последовала вторая бретелька, затем пальцы нащупали пуговицу сбоку, и ткань, словно живая, соскользнула вниз, обтекая изгибы ее тела.

На ней был кружевной черный бюстгальтер, выдержанный в стиле откровенного порнографического шика, который открывал соски, сделанные темными и чувствительными. Я сразу понял: на ней должны быть такие же трусики — без промежности, вырезанные намеренно для того, чтобы обнажить самое главное. Мошенник, навязавший ей эту невообразимую атрибутику сексуальной рабыни, хорошо знал, что делает. Он превратил ее тело в товар, лишив последней защиты стыдливости. Я позволил глазам скользнуть по розовым соскам и кремовой, почти прозрачной коже, чувствуя, как внутри нарастает жар, а член становится горячим и твердым, требуя своего права.

Ей пришлось слегка поерзать, потянуться, чтобы снять платье с бедер и спустить его до колен. Затем оно окончательно соскользнуло с ее ног и легло бесформенной лужицей на полу, словно сброшенная кожа. И тут я увидел больше. На бедре, там, где ткань касалась кожи, выступили еще более крупные, иссиня-черные синяки. Они выглядели свежими и болезненными, и вид их заставил меня стиснуть зубы. Злость, холодная и острая, пробилась сквозь возбуждение. Она сидела в нижнем белье шлюхи, демонстрируя следы насилия, и смотрела на меня так, будто надеялась, что я не попрошу ее пойти дальше. Будто она все еще может контролировать ситуацию.

Будто это возможно.

Я всегда получал то, за что платил деньги. Это был непреложный закон нашего мира.

— Раздвинь ноги. Шире, — скомандовал я. Голос прозвучал как приговор.

Она сжала губы в тонкую белую линию, отвернулась от меня в сторону, избегая прямого контакта, и медленно, с трудом раздвинула ноги. И я увидел то, что украл у ее тюремщика.

На внутренней стороне бедер, там, где кожа была самой нежной, чернели уродливые, багровые синяки — следы грубых прикосновений и власти. Но за черными трусиками без промежности, которые она с таким трудом открыла, ее киска была юной, свежевыбритой и сладко розовой. Этот контраст между увечьями снаружи и невинностью внутри казался почти кощунственным, но именно он довершил картину моей победы.

Словно спелый персик, который только что разрезали острым ножом, обнажая свои сочные, ароматные внутренности, эта сцена заставила меня замереть от восторга. Воздух вокруг казался густым и сладким, напоенным чувственностью, и у меня невольно потекли слюнки от одного вида этой доступной роскоши. Каждая деталь обстановки, каждый шорох ткани, каждый едва уловимый аромат кожи слились в единый симфонический аккорд возбуждения, от которого кружилась голова и закладывало уши.

— Сними лифчик, — прошептал я. В моем голосе звучало такое плотное, вязкое сексуальное напряжение, что его можно было резать ножом. Однако, несмотря на пылающую кровь, я крепко держал себя в узде, контролируя каждый импульс, каждое движение. Внутри меня бушевала буря желаний: я хотел, чтобы она оседлала мое лицо, погрузилась в эту близость и уткнулась этой прелестной, манящей киской мне прямо в рот, позволяя мне почувствовать её вкус и запах. Эта мысль кружила разум, превращая реальность в туманную, манящую грезу, где существовали только мы двое и наше бесконечное, тягучее желание.

Она медленно потянулась за спину, её пальцы ловко нашли застежку, и с дерзким щелчком она сдернула это оскорбительное для женственности белье. В тот же миг мои глаза встретились с видом её полных, великолепных грудей, которые теперь были полностью открыты для моего взора. Грудь, словно два созревших плода, возвышалась передо мной, подчеркивая изгиб талии и мягкость плеч. Свет падал на них так, что казалось, будто они светятся изнутри, наполненные жизнью и теплом.

Я уставился на эти возвышающиеся холмики, завороженный их совершенством. Бледно-розовые, едва заметные соски были плоскими и нераскрывшимися, словно закрытые бутоны роз под утро. Мне очень понравилось это зрелище. Оно пробудило во мне древний, первобытный инстинкт охотника. Никогда еще ни одна женщина не была настолько равнодушна, так холодна и недоступна в моем присутствии, что это лишь разожгло мой интерес до предела. Её неприступность стала для меня вызовом, азартом, который требовал немедленного преодоления, покорения и обладания.

Внезапно она вскинула голову, и её взгляд встретился с моим. Вот именно такой она мне и нравилась: бросая мне вызов, опаляя меня холодом ненависти и чем-то еще, невидимой нитью кружащимся между нами, связывая нас в этом танце страсти. В её глазах читалась смесь презрения и скрытого желания, та самая двойственность, которая сводила с ума. Я уже отчетливо чувствовал, как её аккуратная, узенькая киска плотно обхватывает мой член, предвкушая неизбежное слияние. Время остановилось, оставив лишь биение сердец, учащенное дыхание и нарастающее, невыносимое ожидание момента истины, когда границы между нами окончательно сотрутся.

18. Ярослава

Мне потребовалась вся моя воля, все оставшиеся силы духа, чтобы не отвести взгляда и продолжать смотреть на неприкрытый, животный голод, горевший в его пронзительных глазах. Этот взгляд был тяжелым, давящим, лишенным какой-либо человеческой теплоты, и от него веяло опасностью и первобытной жадностью. Благодаря нелепым, провокационным трусикам, которые Влад с непреклонной настойчивостью настоял, чтобы я носила всегда, даже в самые неочевидные моменты, я была практически полностью голая. Тонкая ткань едва прикрывала самое необходимое, оставляя тело уязвимым и открытым для чужих взоров. Мои ноги были широко раздвинуты, в позе, которая ассоциировалась с самой низкой степенью унижения, словно у шлюхи, выставленной на всеобщее обозрение. Но я не доставила бы ему удовольствия узнать, насколько глубоко внутри себя я чувствовала себя униженной, сломленной и уязвимой, когда со мной обращались как с бесправным куском мяса, лишенным воли и достоинства.

Я вызывающе смотрела на него, пытаясь сохранить фасад равнодушия или даже вызова, пока вдруг не произошло нечто странное и пугающее. Чувства стыда и глубокого унижения, терзавшие меня минуту назад, вдруг рассеялись, будто их смыло волной, и сменились чем-то совершенно другим, чуждым и диким. С Владом такого никогда не случалось прежде; наши отношения всегда были полны напряжения, но этот новый поворот был неожиданным. Во мне начала нарастать дикая, неконтролируемая возбужденность, которая заставляла кровь приливать к лицу и биться в висках. Пульсация между бедер отдавалась невыносимой, почти болезненной болью, требующей немедленного удовлетворения. Несмотря на то, что я изо всех сил пыталась сдержаться, контролировать свое тело и не поддаваться инстинктам, поток влаги внезапно оросил мое влагалище, предательски выдавая истинное состояние моего тела. Мне хотелось в ужасе свести ноги вместе, спрятаться, скрыть эту влагу, но я прекрасно знала: если я сделаю это, то только привлеку внимание к своей постыдной, ненужной похоти, которая теперь бушевала внутри меня.

Слава Богу, комнату освещала лишь тусклая прикроватная лампа слева от меня, отбрасывая длинные, искаженные тени. И, может быть, только, может быть, эти полупрозрачные, светящиеся волчьи глаза не могли разглядеть в густой тени между моими ногами, что именно происходило там, в темноте, скрывая мой позор и мою реакцию.

Внезапно он встал. Я замерла, задержав дыхание, ожидая худшего. Думала, он собирается подойти ко мне, чтобы добить меня своим присутствием или прикосновением, но он неторопливо, с кошачьей грацией, приблизился к ряду выключателей на стене и включил один.

— Будь ты проклят, — выругалась я себе под нос, щурясь от пролившегося на меня резкого, холодного света. Моя единственная защита, моя последняя надежда на анонимность и безопасность, мгновенно исчезла.

Когда глаза привыкли к яркому потоку света, я поняла, что лампа освещала только то узкое место, где я сидела, превращая меня в центр внимания. Остальная часть комнаты все еще была окутана непроглядной тенью. Я едва могла разглядеть его силуэт, когда он вернулся к креслу и лениво, с видимым удовольствием, опустился в него, словно король на трон.

— Поиграй с собой, Яра. Заставь себя кончить. — Это был жесткий приказ, лишенный колебаний, но в нем таилась странная, обволакивающая соблазнительность, от которой мурашки пробежали по коже.

Холодный, резкий вырвался из моих легких, превратившись в судорожный спазм, который я едва сдержала. Мир вокруг словно замер, сжавшись до точки фокуса — темного угла, где скрывался он. Никогда в жизни никто не давал мне таких приказов. Никогда никто не стоял за спиной, прячась в тенях, и не требовал, чтобы я удовлетворяла свои самые интимные

потребности прямо на его глазах. Внутри все сжалось от отвращения и первобытного страха. Мысль о том, что я должна позволить себе расслабиться, потерять контроль и достичь пика удовольствия перед лицом полностью одетого, невидимого незнакомца, заставила мою кожу покрыться мурашками.

Но тело предательски опередило разум. Словно покорное животное, привыкшее к жестоким рукам, моя рука сама потянулась вниз, к самому уязвимому месту. Эта автоматическая реакция, эта готовность плоти повиноваться воле другого человека вопреки кричащему протесту разума, стала для меня страшным откровением. В этот миг я осознала всю глубину своего падения: я продала себя не просто мужчине, а самому дьяволу, подарив ему ключи от моего тела и души.

Мои пальцы, дрожащие и холодные, нежно, почти робко коснулись клитора.

— Трахни себя пальцем, — голос разрезал тишину, громкий и жесткий, как удар кнутом. В нем звучало что-то новое, темное и беспощадное. Это была не просьба, не намек, а приказ. Он больше не желал нежности, ласки или взаимного удовольствия. Ему нужно было сухое, бесчувственное действие. Ему нужно было, чтобы я вела себя как товар, как проститутка, лишенная всякого человеческого достоинства.

Я впилась зубами в нижнюю губу, стараясь заглушить стон и не дать ей дрожать, но тело продолжало выполнять команду. Я раздвинула бедра и с трудом, преодолевая внутреннее сопротивление, ввела внутрь два пальца. Проникновение было грубым, чужеродным. От этого влажного, хлюпающего звука, эхом отразившегося в пустоте комнаты, у мужчины на мгновение сорвался непроизвольный, глухой стон.

И в этот же миг все перевернулось.

Страх отступил, уступив место ледяному, кристальному осознанию. Я поняла: я — не жалкое, битое создание, которое он купил за какие-то копейки. Которое можно заставить раздвинуть ноги и обращаться с ним как со старой шлюхой, не заслуживающей ничего, кроме презрения. Нет, я обладала властью. Властью, сравнимой с той, что была у Далилы над могучим Самсоном. Я могла бы однажды остричь ему волосы, лишив его силы, его гордости, его контроля.

И он, кажется, тоже это почувствовал.

Я медленно облизнула пересохшие губы, проводя кончиком языка по влажной коже, а другой рукой прикоснулась к соску. Большой палец резко щелкнул по набухшему, чувствительному пику. В густой тени я увидела, как его фигура напряглась, мышцы спины вздрогнули. Тихо, почти неслышно застонав, я ущипнула себя за сосок, добавляя боли к ощущениям, и увеличила скорость движения пальцев. Я знала: таким путем я не смогу достичь оргазма, это было невозможно физически и психологически. Но мне и не нужно было кончить. Мне нужно было другое. Я делала это не для себя. Каждым движением, каждым жестом я пыталась поставить его на колени, сломать его превосходство, заставить чувствовать власть, которая теперь принадлежала только мне.

Откинувшись назад на мягкие простыни кровати, я подняла ноги в воздух и медленно, с нарочитой грацией развела их в стороны, так что мои бедра образовали широкую, откровенную букву V. Я растянула их настолько далеко, насколько позволяла гибкость суставов, пока пятки почти не коснулись матраса, открывая вид на свое обнаженное тело. Теперь он мог видеть меня целиком, без малейшей возможности скрыть что-либо. Даже мои распушенные, кружевные трусики, сдвинутые в сторону, оставляли слишком много пространства, позволяя ему разглядеть не только мою киску, но и анальное отверстие, которое теперь было полностью доступно для его взгляда.

Поскольку я больше не могла видеть его лица и реакции, я продолжила свои действия, осторожно вводя палец внутрь себя, помня о необходимости держать темп под контролем. Шоу не должно было затягиваться слишком долго, чтобы не потерять эффект неожиданности и не

дать ему времени на обдумывание. Я не хотела его утомлять своим перформансом, стремясь оставить впечатление яркого, но лаконичного зрелища.

Со стоном, наполненным чувственностью, я выгнула спину дугой, напрягла мышцы всего тела и начала мелко дрожать, мастерски изображая приступ оргазма. С Владом у меня получалось это особенно убедительно; это было своего рода неизбежное зло, необходимая тактика в нашей игре. Иногда такая постановочная сцена позволяла сократить реальное время его приставаний менее чем наполовину, экономя мои силы и нервы.

Завершив свое «шоу», я распласталась на кровати, тяжело дыша, с разведенными в разные стороны ногами, демонстрируя свою «истощенность» и удовлетворение. Я знала, что его глаза прикованы ко мне, сканируют каждое движение, каждую точку моего тела. Я чувствовала этот тяжелый, проницательный взгляд, словно он физически касался моей кожи. Я не знала, что последует дальше, но предполагала, что он наконец-то займется со мной сексом. Этого не должно было случиться по моему плану, но сама мысль о том, чтобы оказаться под его сильным, стройным телом, заставляла мое сердце биться чаще и причиняла в киске приятное, предвкушающее покалывание.

На несколько секунд в комнате воцарилась напряженная тишина, нарушаемая лишь моим учащенным дыханием. Затем, неожиданно для меня, раздался звук редких, размеренных аплодисментов.

19. Константин

Я резко прекратил аплодисменты, звук их удара эхом отразившись в полумраке комнаты, когда она медленно приподнялась на локтях. В этой позе, которую она приняла бессознательно, словно не отдавая себе отчета в собственной привлекательности, было что-то поразительно, почти гипнотически красивое. Темнота играла на её коже тенями, подчеркивая контуры тела, а её полуприкрытые глаза, прищуренные от привычки защищаться даже в безопасности, добавляли образу загадочности. Наблюдать за её поведением было увлекательным занятием, своего рода психологическим экспериментом, но именно эта неожиданная, искренняя реакция, эта искра сопротивления, стала той самой причиной, по которой я решил «купить» её — не просто как тело, а как личность, которую можно сломать или, возможно, понять.

На её лице разворачивалась целая панорама мимолетных эмоций, о которых я мог лишь догадываться, строя свои теории. Мой профессиональный опыт ежедневного общения с преступниками, лжецами и манипуляторами научил меня читать людей как открытые книги. В отличие от них, эта женщина была предельно прозрачна. Каждый микроскопический спазм мышц, каждое изменение оттенка кожи, каждый дрожащий вздох выдают её истинные чувства яснее любых слов. Для меня она была не загадкой, а отчетливо видимым механизмом, где каждый шестеренка работает на виду.

— А теперь повтори все снова, — мой голос прозвучал холодно и отстраненно, не оставляя пространства для дискуссии. — Но на этот раз по-настоящему.

— Ч-что? — выдохнула она, и её глаза широко раскрылись, отражая смесь шока, растерянности и нарастающего страха. В этом звуке слышалось не просто непонимание, а ужас перед тем, насколько глубоко я проник в её сознание.

— Забирайся на подушки. Ляг на них полностью. Раздвинь ноги и начни все сначала, — объяснил я скучающим, почти монотонным голосом, словно отдавал приказ о рутинной процедуре. Интонация была важна: она должна была понять, что сопротивление бессмысленно, а мои желания — закон.

Сначала она никак не отреагировала. Застыла в полуприседе, словно статуя, охваченная внутренним кризисом. Затем, с видимым усилием воли, она плюхнулась обратно на матрас и уставилась в темный потолок, закрыв глаза. Я предположил, что в эти секунды она взвешивала свои варианты, пытаясь найти выход из тупика, который сам же и создал. Мой член, горячий и тяжелый, требовал внимания, но я не спешил. Терпение было частью моей власти. У неё нет выбора. Это была не просто физическая необходимость, а демонстрация доминирования. Проходили минуты тягучего молчания, пока она перебирала в голове открывающиеся перед ней возможности, каждая из которых казалась всё менее привлекательной.

Затем она сделала нечто настоящее. Действие, которое заставило меня с интересом наклониться вперед, забыв о собственном физическом дискомфорте.

Она сорвала с себя вульгарные, дешевые трусики, те самые, которые я считал символом её унижения, и отшвырнула их прочь в сторону. В этом резком, почти агрессивном движении была неподдельная, кипятильная страсть. Она ненавидела их так же сильно, как и я — они были для неё оковами, напоминанием о её положении. Это было её маленькое бунтарство, её способ заявить о себе. Всё моё внимание сосредоточилось на этом моменте, на звуке рвущейся ткани, на жесткости её жеста. Даже не взглянув в мою сторону, она поползла обратно к подушкам, двигаясь с грацией хищника, готового к прыжку. Я смотрел на её открытую киску с жадностью гребаного пещерного человека, которого впервые увидели огонь и цивилизацию. Она легла так, чтобы я мог ясно видеть её лицо, бросая мне вызов взглядом. Оно было полно ярости, ненависти и абсолютного неповиновения.

Она ненавидела меня до глубины души. Эта ненависть была плотной, осязаемой, она витала в воздухе между нами. Именно то, чего я хотел. Именно это давало мне энергию и чувство контроля.

— Раздвинь ноги шире, — скомандовал я, чувствуя, как адреналин подливает сил.

Она раздвинула ноги еще шире, не моргнув глазом, бросая мне вызов на видимость покорности.

— Так-то лучше, — одобрительно пробормотал я, удовлетворенный её послушанием. Теперь я мог видеть каждую её частичку, каждый нюанс её тела, который принадлежал мне по праву силы.

— Отъе*ись, — выпалила она, и её голос дрогнул, но слова были четкими и ядовитыми.

Я замер. Время словно остановилось. Она тоже замерла, ожидая реакции, боясь увидеть гнев или смех. Но в комнате воцарилась тяжелая, звенящая тишина, разорванная лишь нашими учащенными дыханиями.

Я пристально вглядывался в нее, а она отвечала мне тем же, не отводя взгляда ни на секунду. В глубине ее зрачков я отчетливо читал страх — холодный, первобытный ужас перед неизвестностью и моей властью, но это не сломило ее. Ее губы были плотно сжаты в тонкую, бледную линию, а взгляд оставался суровым, пронзительным и полным внутреннего напряжения. Она категорически отказывалась брать свои слова обратно, не собиралась извиняться или проявлять слабость. Она смотрела на меня так, словно ненавидела всеми фибрами своей души, и совершенно не боялась дать мне это понять. И знаешь что? Это меня зацепило. Меня возбуждала эта женщина, которая осмеливалась противостоять мне, которая не падала ниц, даже когда была на волосок от поражения. Так-так.

Внезапно, как удар молнии, мне отчаянно захотелось оказаться внутри нее. Но я хотел, чтобы это желание оставалось моей тайной, скрытой за маской спокойствия. Я не собирался выдавать, как сильно я ее хочу, сколько сил у меня уходит на то, чтобы сдерживаться. И даже сильнее, чем животное, слепое желание оттрахать ее до полной бесчувственности, во мне горела другая, более важная потребность: я был решительно настроен не позволить ей выиграть этот первый раунд. Это была битва воли, и я намеревался в ней победить.

— Сегодня отъе*ут только одного из нас, и это буду не я, — тихо, почти шепотом произнес я, позволяя голосу дрогнуть от подавленного возбуждения. — А теперь продолжай.

Она сглотнула, и в этом движении смешались облегчение от того, что разговор прерван, и ярость от моего напора. Затем она резко, почти грубо, накинулась на свой холмик. Движение было внезапным, дерзким и невероятно чувственным. У меня перехватило дыхание. Наблюдая за каждым микроскопическим изменением на ее лице, я возбудился до предела, как никогда раньше. Мне было трудно поверить, что такая яркая, сильная, живая девушка могла когда-либо быть с тем мерзким слизняком, Владом. Но уродливые синяки и ссадины на ее бедрах, ярко выделявшиеся на бледной коже, не давали мне об этом забыть. Они кричали о насилии, о том, как он обращался с ней. Я ненавидел то, что они — его рук дело. В этот момент мне захотелось стереть их своей рукой, сделать так, чтобы эти отметины принадлежали только мне, чтобы я стал причиной ее боли и наслаждения, а не тот жалкий человек, который оставил следы унижения.

Она принялась массировать большим пальцем область вокруг набухшего клитора, движения стали увереннее, хотя в них все еще чувствовалась та самая борьба. Теперь я видел ясно: она тоже возбуждается. Несмотря на всю свою яростную попытку сопротивляться этому телесному отклику, мышцы нижней части ее живота начали еле заметно сокращаться, ритмично и предательски. Ее глаза остеклели, потемнели, потеряв фокус, словно она проваливалась в собственное удовольствие.

Моя кожа покалывала мелкой дрожью от нарастающего возбуждения, когда ее средний палец начал ласкать киску вверх и вниз, находя тот самый ритм, который сводил с ума. Я почувствовал, как член увеличился вдвое, наливаясь тяжестью и жаром, требуя освобождения.

Яра не смогла сдержать гортанный стон. Это был почти вздох, но совершенно другого тембра, чем те искусственные звуки, которыми она иногда развлекала меня раньше. Несмотря на то, насколько легким и приглушенным он был, звук донесся до меня как гром среди ясного неба. Ее шея выгнулась дугой, обнажив длинную, нежную белую плоть горла. Затем она просунула мокрый палец в узенькую киску, и в этот момент все, что у меня ниже пояса, мгновенно онемело, уступив место чистому, ослепляющему экстазу ожидания.

Яра не смогла сдержать гортанного, глубокого стона — звука, который был скорее похож на тяжелый, прерывистый вздох, чем на привычные для меня звуки удовольствия. Этот новый тембр был иным: более сырым, интимным и пронзительным, он пробил сквозь любую дистанцию между нами и донесся до моих ушей с пугающей четкостью, несмотря на свою кажущуюся тихость.

Ее шея резко выгнулась назад, создавая изгиб, полный отчаянной грации, что обнажило длинную, бледную линию горла и ключиц, словно слоновую кость на фоне темноты комнаты. В этот момент ее рука опустилась ниже, и она медленно, с нарастающим напряжением, просунула мокрый, блестящий палец в узкую, горячую щель своей киски. Весь мир вокруг меня сузился до этой точки, и все, что находилось у меня ниже пояса, мгновенно онемело от острого, почти болезненного возбуждения.

Она начала нанизывать себя на этот влажный палец, ритмично погружая и извлекая его, пока ее глаза не приоткрылись, став стеклянными и пустыми от погружения в собственное наслаждение. Затем, словно по невидимому зову, второй палец присоединился к первому, продолжая «шоу», которое она разыгрывала перед моими глазами.

— Третий палец! — прохрипел я, и мой голос прозвучал чуждо, сипло и напряженно, даже пугая меня самого своей несвойственной мне грубостью.

Девушка отреагировала на мою команду интуитивно и мгновенно, не теряя ни секунды. Третий палец, влажный и дрожащий, присоединился к двоим уже работающим внутри нее, расширяя пространство и усиливая трение. Ее спина выгнулась мощной дугой, позвоночник изогнулся под давлением накопившегося напряжения. Сначала движения были осторожными, медленными, почти экспериментальными: пальцы то входили, то выходили, исследуя каждую складку, но стоило мне сделать вдох, как их скорость резко увеличилась, превратившись в лихорадочный, требовательный ритм.

Почти в мгновение ока она перешла от томного, мучительно медленного ритма к быстрым, почти жестким толчкам, трахая себя с откровенной страстью. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу, когда я наблюдал, как ее бедра начинают нетерпеливо дергаться в ответ на натиск собственных пальцев, раскованно двигаясь в синхронном танце с движением рук. Ее стоны, сдерживаемые ранее, теперь прорвались наружу, наполнив комнату эхом её безумия.

Я вцепился в подлокотники кресла так сильно, что костяшки побелели, наблюдая, как она приближается к той самой грани, за которой начинается оргазм. Ее тело дергалось судорожными рывками, мышцы сжимались и расслаблялись в бешеном потоке удовольствия, который, казалось, пронизывал ее от кончиков пальцев до макушки.

Внезапно пальцы выскользнули из нее с влажным, громким звуком. Густые соки потекли по внутренним сторонам ее бедер, оставляя блестящие следы, пока она продолжала жестко, требовательно гладить набухшую, покрасневшую плоть и клитор, не прекращая стимуляции даже после выхода пальцев. Теперь я был настолько тверд и напряжен, что находился на волосок от того, чтобы сорваться и кончить просто от одного вида этого зрелища.

Из ее горла вырвался сдавленный всхлип, переходящий в рыдание от переполнявших эмоций. С плотно закрытыми глазами, словно пытаясь изолироваться от внешнего мира, она поднесла свои мокрые, скользкие пальцы к губам… и с жадностью сунула их в рот.

Я больше не мог оставаться на месте. Тело само повело меня вперед, игнорируя разум. Едва отдавая себе отчет в своих действиях, я подошел к краю кровати. Не успел я опомниться от внезапного порыва, как уже забрался на матрас, нависая над ней, готовый поглотить всё, что она могла мне предложить.

Ее руки вцепились в простыни, когда я скользнул пальцами внутрь. Она изо всех сил старалась мне не поддаваться, поэтому я подключил пальцы, но как только увеличил темп, безжалостно трахая, пока не нашел ритм, который был достаточно жестким и быстрым, чтобы полностью лишить ее самообладания, она начала стонать и умолять меня остановиться. Я оставался внутри, отыскав чувствительное местечко и ублажая его, пока глаза Скай не начали закатываться.

— Остановись, — закричала она, но я отказался, даже когда ее ногти впились мне в руки.

Вместо того, чтобы остановиться, подушечка большого пальца левой руки присоединилась к ублажению клитора.

Она взорвалась в моих руках, ее оргазм хлынул горячим, непрерывным потоком, и в тишине комнаты разнесся крик. Я вынул промокшие пальцы и поддался безумной жажде ее вкуса.

Накрыл ртом ее лоно, лаская и посасывая, пока каждая капля ее освобождения не была вылизана. Затем поднял голову и посмотрел на нее. Она лежала на подушках, золотистые волосы разметались за спиной. Легкий блеск пота, несмотря на прохладу комнаты, выступил у нее на лбу, отчего несколько прядей прилепились к вискам. Кожа раскраснелась, а нижняя губа распухла от того, что она ее кусала. Ее тело все еще слегка дрожало после оргазма.

Она была поразительно, почти ослепительно красива. Каждая черта ее лица, изгиб тела и сияние кожи казались отточенными идеалом, перед которым бессильны были любые аргументы разума. И я так сильно хотел ее трахнуть, что это желание переросло в физическую, острую боль в паху, заставляющую сжиматься мышцы и замирать дыхание. Это было не просто желание, это была навязчивая идея, требующая немедленного удовлетворения.

Но я уже сделал то, чего никогда не делал раньше. Впервые в своей жизни я позволил себе потерять контроль. Я позволил эмоциям и импульсам взять верх над холодным расчетом. Этот раунд, эту битву за доминирование в нашей игре, она выиграла. Я отступил, признав ее победу, хотя внутри все еще кипело напряжение.

Я обернулся и увидел лежащий на кровати контракт. Бумага с печатями и подписями казалась тяжелой, как свинец, несмотря на свою легкость. Взяв его, я аккуратно, почти ритуально положил под ее тело, словно кладя печать на совершенный сделку. Затем снова окинул ее взглядом, оценивая результат.

Вот. Теперь нужно видеть все в истинном свете, без иллюзий и самообмана. Я купил ее. Юридически, финансово, окончательно. И у меня есть ровно тридцать гребаных дней, чтобы избавиться от этого… зуда. Этого невыносимого желания, которое разъедает меня изнутри, требуя внимания и действия.

Не сегодня. Сегодня вечером я должен доказать самому себе, что все еще могу уйти, что моя воля крепка, что я не раб своих желаний. Я должен продемонстрировать силу духа, разорвав эту связь, пусть и временно. Но после сегодняшнего вечера, когда я уйду, ее несчастная киска будет должным образом оттрахана. Каждое утро и каждую ночь. Пока я не насыщусь, пока мое терпение не иссякнет. Пока она мне так не надоест, что даже сам вид ее в одном помещении со мной не будет вызывать ничего, кроме холодного равнодушия и отвращения.

Я отстранился, чувствуя, как холодный воздух касается вспотевшей кожи. Встал с кровати, поправил одежду, собирая в кулак остатки своего самообладания. Не оглядываясь, не

слушая ее возможный шепот или стоны, я пошел прочь, оставляя позади себя не только женщину, но и часть себя, которую она временно захватила.

20. Ярослава

Я не помню ни звука, ни движения, ни ощущения того, как сон поглотил меня. Последнее, что сохранилось в памяти, — это лишь смутное ощущение тяжести и тепла, а затем — темнота. Но когда я наконец открыла глаза, мир вокруг меня был другим. Я находилась в темной, незнакомой комнате, погруженной в густую, почти осязаемую тишину, нарушаемую лишь собственным учащенным дыханием.

В мгновение ока я присела на кровати, движения были резкими, рефлекторными. Каждая клеточка моего тела напряглась до предела, мышцы затвердели в ожидании угрозы. Тревога, холодная и липкая, сковала внутренности, и глаза дико забегали по полумраку, пытаясь найти источник опасности или выход. Но затем взгляд зацепился за знакомый силуэт. В углу комнаты, в глубоком кресле с высокой спинкой, сидел он. Его фигура была неподвижна, но присутствие ощущалось физически, как статическое электричество перед грозой.

И тут, словно ключ, повернутый в замке забытого сейфа, воспоминание о прошлой ночи хлынуло внутрь меня с разрушительной силой.

О, боже!

Я плюхнулась обратно на матрас, чувствуя, как силы покидают меня, и плотно закрыла глаза, пытаясь заглушить поток мыслей. То, как я вела себя прошлой ночью... Это было невыносимо. Я съежилась, внутренне сжимаясь от стыда и шока, при воспоминании о том, как жадно, почти животным инстинктом слизывала свои соки с собственных пальцев. Это поведение казалось чужим, инородным, впаянным в мою кожу. Это совершенно, однозначно и абсолютно не я.

На самом деле, я всегда была чрезвычайно консервативна. Мой внутренний мир был огражден высокими стенами приличий и скромности, я не склонна к авантюрам в постели или поиску острых ощущений. Меня тяготило и пугало все, что выходило за рамки традиционного, устоявшегося. Мне не нравилось делать минет — это казалось унизительным для моего достоинства. Никакого анала, никаких сексуальных трио, даже легкой порки, которая могла бы добавить искру, — всего этого я избегала как чумы. Моя сексуальность была стерильной, контролируемой и безопасной.

Однажды, когда Влад, уставший от моей холодности и недоверия, вышел из себя, он сказал правду. Ту самую правду, которую я боялась услышать. Он назвал меня фригидной. Эти слова прозвучали как приговор, обесценивая всю мою жизнь и заставляя сомневаться в собственной женственности.

Сейчас же, в тишине этой комнаты, я понятия не имела, что именно на меня нашло прошлой ночью. Что сломало мои барьеры? Я смотрела на свои руки и не узнавала их, словно они принадлежали другой женщине. Прошлой ночью я отчаянно, с голодной жаждой хотела его внутри себя. Это было не просто желание, это была потребность, сравнимая с дыханием.

Непрошенный, навязчивый образ лучшего оргазма, который я когда-либо испытывала в жизни, начал медленно прокручиваться в голове, стирая остатки стыда перед лицом физиологической истины. Этот оргазм был таким сильным, таким ошеломляющим, что казалось, будто он вырвал мою душу из тела, оставив лишь чистое, ничем не загрязненное чувство. Даже сейчас, спустя время, тело снова начало жаждать такого же освобождения, пульсируя в такт воспоминаниям, требуя повторения этого безумного, запретного экстаза.

Очнувшись от ошеломляющего, почти разрушительного экстаза, я с трудом собрала воедино свои мысли. Осознание того, что подобные, безумные по своей интенсивности оргазмы вообще могут существовать в реальности и что я была их свидетельницей, казалось чем-то невероятным. Однако в моем нынешнем, искалеченном положении рабыни этот факт

вряд ли заслуживал какого-либо празднования или радости. Напротив, он лишь подчеркивал глубину моего падения.

Я продала себя незнакомому мужчине, превратившись из свободного человека в пленницу, в холодную, безжалостную игрушку в руках чудовища, чья натура казалась мне абсолютно лишенной человеческих черт. В памяти вновь всплыл образ его глаз — тех самых прозрачных, почти неестественных глаз. Какими ледяными и мертвенными они были, даже когда его губы касались моей кожи, а сам он, не отрываясь, смотрел мне прямо в лицо, изучая каждую мою реакцию. В этом взгляде не было ни страсти, ни тепла, только ледяное превосходство и отстраненность.

В голове тут же пронеслись другие, куда более тревожные мысли. Мысли о том, о чем я искренне не хотела думать, пытаясь заглушить голос совести и страха. О том мощном, всепоглощающем влечении, которое, несмотря ни на что, пробуждалось во мне к нему. Будто бы он обладал некой странной, магической темной властью надо мной, способной подчинить мою волю одним лишь взглядом. Я почувствовала это в тот миг, когда наши глаза встретились впервые. Ощущение было настолько сильным, что казалось: я физически принадлежу ему, мой дух сломлен и принадлежит ему безраздельно.

«Конечно, ничего подобного», — резко отрезала я себя внутренне. Никто не мог принадлежать такому человеку, как Константин. И он не мог выразить свою позицию яснее и жестче. Для него я была просто сексуальным объектом, средством для развлечения и снятия напряжения. Во всяком случае, его внезапный, бесцеремонный уход прошлой ночью, оставивший меня одну в пустой постели, стал самым ярким и беспощадным подтверждением этого факта. Он взял то, что хотел, и ушел, не оглядываясь.

Потрясенная этим осознанием, я потянулась к телефону, лежащему на прикроватной тумбочке, и посмотрела на время. Цифры показывали половину восьмого утра. Хотя плотные, тяжелые шторы надежно закрывали окна и не пропускали ни единой лучики света, создавая искусственную ночь, я понимала, что день уже начался. Звонить папе было еще слишком рано — он наверняка еще спал, а я не хотела будить его лишними проблемами. Но я обещала навестить его позже, и теперь мне нужно было как-то грамотно договориться с сотрудниками Кости о времени моего визита, чтобы не выглядеть навязчивой или, наоборот, неуважительной.

Я встала с кровати, чувствуя прохладу пола под ногами, и, голая, подошла к одному из окон. Мои пальцы дрогнули, когда я раздвинула тяжелые занавески. И я ахнула. Ночью выпал снег, и вся территория вокруг дома утопала в густом, ослепительно белом покрывале. Мир вокруг стал тихим, чистым и безупречным.

Никогда в жизни я не видела ничего более прекрасного. Этот снег казался щитом, скрывающим весь ужас происходящего внутри стен.

«Ух ты! Как повезло тому, кто здесь жил», — мелькнула в голове ироничная мысль. Долгое время я позволяла себе наслаждаться особым покоем и тишиной, которые исходили от вековых деревьев, стоящих в пушистом снегу. Они казались хранителями этого уединения, свидетелями моей изоляции от внешнего мира, где сейчас, возможно, кипит жизнь, а я заперта в этом золотом клетке роскоши и холода.

В конечном итоге, преодолевая внутреннюю нерешительность, я шагнула внутрь великолепной ванной комнаты, которая поразила меня своим масштабом и безупречной чистотой. К моему искреннему удивлению, массивный мраморный пол, который обычно ассоциируется с ледяной прохладой, не холодил мои босые ноги. Оказалось, что он был оснащен системой подогрева, и мягкое, равномерное тепло постепенно проникало в стопы, вызывая чувство невероятного комфорта. Никогда раньше я не доводилось ходить по теплым полам, и это простое, на первый взгляд, решение стало для меня откровением — истинной, незаметной, но такой восхитительной роскошью, которую я даже не могла себе представить.

Я осторожно забралась в просторную стеклянную душевую кабинку, прозрачные стенки которой словно парили в воздухе, и повернула кран. Вода хлынула вниз мощным, равномерным каскадом, охватывая тело плотной завесой. Я стояла под этим потоком, позволяя успокаивающему теплу смывать усталость и напряжение, накопившиеся за последние сутки. Рука машинально выдавила немного геля для душа на ладонь, но, когда я попыталась поднять руки, чтобы начать мытье, тело замерло. Я не решалась прикоснуться к себе.

Каждое движение казалось опасным, потому что оно слишком сильно напоминало мне о прошлой ночи, о том, как всё происходило, и, прежде всего, о нем. Его образ всплывал в памяти с пугающей ясностью: холодный, лишенный эмоций взгляд, от которого становилось не по себе; спокойный, ровный стальной тон его голоса, не допускающий возражений; и чистая, гипнотическая магия его губ и рук, которые управляли каждым моим чувством. Я намеренно, с усилием вытолкнула этот образ из головы, заставляя мозг сосредоточиться только на звуке воды и запахе мыла. Мне нужно было быстро смыть не только грязь, но и воспоминания.

После душа я сняла полотенце и накинула на себя толстый, мягкий халат из махры, который был аккуратно сложен на уютном бело-голубом кресле у зеркала. Вода всё ещё парила на коже, даря ощущение свежести. Я достала фен и начала сушить волосы, расчесывая их пальцами, чтобы сохранить естественную текстуру. В зеркале я увидела отражение, которое выглядело не так уж плохо — достаточно бодро, чтобы скрыть тревогу. Затем я подошла к раковине, где лежал изящный дорожный набор, аккуратно разложенный по местам: зубная паста, щетка, нити. Я почистила зубы, стараясь сосредоточиться на рутинных действиях, чтобы успокоить трепещущее сердце.

С проблемой одежды я столкнулась снова. У меня не было с собой другой одежды, кроме той, в которой я прибыла, поэтому, вздохнув, я снова надела свое белое мини-платье. Ткань плотно облегала фигуру, напоминая о том, в каком статусе я нахожусь. На мгновение меня осенила мысль: не съездить ли мне в свою квартиру, чтобы забрать вещи? Но тут же холодок пробежал по спине при воспоминании об условиях подписанного мной контракта. Одним из ключевых пунктов было то, что все необходимое для моего благополучия в течение оговоренного тридцатидневного срока — включая жилье, питание и одежду — должно было предоставляться исключительно им. Любая попытка выйти за эти рамки могла быть расценена как нарушение договора, последствия которого я не хотела даже представлять.

Когда я надевала обувь, телефон, лежащий на тумбочке, вдруг звонким вибрирующим сигналом нарушил тишину комнаты. На экране мелькнуло имя Лады — моей лучшей подруги с самого детства. Она всегда была рядом, поддерживая меня в самые трудные и темные времена, и сейчас её звонок стал для меня спасательным кругом.

— Яра, — донесся до меня ее легкий, знакомый голос, и, боже, как же я была рада его слышать. В этом звуке было столько заботы и тревоги, что у меня подступили слезы. — Где ты?

Этот вопрос прозвучал эхом, мгновенно перенеся меня в тот момент, когда она впервые задала мне его. Тогда я впервые встретилась с Владом. Я сидела в машине, застывшая от шока и страха, и не могла вымолвить ни слова. Лада начала паниковать, её голос становился всё более настойчивым. Только после того, как она пригрозила немедленно обратиться в полицию и заявить обо мне как о пропавшей без вести, я, с трудом сглотнув комок в горле, наконец, выложила всю правду. Тогда это казалось единственным выходом, но сейчас, слушая её голос, я понимала, насколько сложной и запутанной стала моя жизнь.

С самого начала моего звонка я отчаянно молила её не лезть в мою личную жизнь, не копаться в моих ранах и не пытаться контролировать каждый мой шаг. Но Лада была похожа на злобного, упрямого терьера: она никогда не сдавалась, не отступала и не позволяла мне закрыться от мира. В конце концов, когда давление стало невыносимым, я испытала огромное, почти физическое облегчение, наконец рассказав ей правду. Мне было невыносимо трудно признаться даже самой себе в том, что я сделала, в тех компромиссах, которые я приняла, но

мне жизненно нужен был кто-то, кому я могла бы выплакать свою сердечную боль, разорванную на части. Мне нужен был свидетель, который не осудил бы меня за слабость, а поддержал бы, несмотря ни на что.

Открывшись ей, поделившись этим тяжелым грузом, я сумела пережить последние два месяца, не свихнувшись полностью от страха и стыда. Этот разговор стал для меня единственным спасательным кругом в бушующем море проблем. Но сейчас, глядя на телефон, я понимала, что не была готова рассказать ей о Луке. Всё это не укладывалось в моей голове, казалось нереальным, как кошмар наяву, который вот-вот должен закончиться, но всё равно остается.

— Лада, мы можем поговорить через пару часов? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

Её тон мгновенно изменился, став напряженным и настороженным, словно у солдата, только что услышавшего выстрел.

— Где ты, черт возьми? — спросила она резко. — Он тебя еще не отпустил, да? Ты там, у него?

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как усталость накатывает волной. Пока мне совершенно не хотелось заводить этот разговор, особенно с ней. Я знала, что последует дальше, и боялась этого.

— Лада, пожалуйста. Могу я тебе перезвонить? Дай мне время собраться.

— Нет, не можешь, Ярослава Бобринская. Клянусь, я пойду в полицию, — крикнула она в трубку так громко, что у меня едва не выскочил телефон из руки. — Прямо сейчас. И не смей думать, что я шучу. Я уже набрала номер.

— Ох, Лада! — пробормотала я, хватаясь за голову. — Зачем ты так драматизируешь? Это же не конец света.

— Драматизирую? Я? — взвизгнула она, её голос дрожал от гнева и страха. — Ты хоть понимаешь, в каком опасном, смертельном положении находишься? Ты играешь с огнем, Ярослава!

Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, но прежде чем успела что-то возразить или объяснить, она разразилась длинной, яростной тирадой, сыпя обвинениями и предупреждениями.

— Я не могу остановить тебя, и не виню за то, что ты принимаешь рискованные решения ради своего отца, — сказала она, сбиваясь на шепот, но сохраняя угрожающий тон. — Но ты обещала не держать меня в неведении. Этот ублюдок опасен, Ярослава, он как змея, готовая укусить в любой момент. И ты обещала всегда сообщать мне, что происходит, каждый шаг! Он снова продлил срок? Он держит тебя против твоей воли?

— Нет, — тихо ответила я, глядя в пол. — Я… ох… заключила другую сделку.

На несколько секунд повисла мертвая тишина. Я слышала лишь тяжелое дыхание Лады на другом конце линии.

— Что ты имеешь в виду? — выдохнула она, и в её голосе теперь читался чистый ужас.

Мой голос прозвучал тише, чем я хотела, едва слышно, но ничего не могла с собой поделать. Слова застревали в горле, комом.

— С другим мужчиной. Эм… он оплатит все, Лада. Все папины медицинские счета. Пока папе полностью не станет лучше. Полностью.

— Ярослава!

21. Ярослава

— Прошу, не заставляй меня чувствовать себя хуже, чем я уже есть. Каждое твое слово сейчас — как нож в спину.

— Тогда зачем, черт возьми, ты снова согласилась на что-то подобное? Почему ты снова позволила себе стать заложницей чужих желаний?

Слезы жгли гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.